

18+

АНДРЕЙ ТРУШКИН

18+

ПЕРВАЯ БОРЬБА
ЗА МИР

КНИГА ПЕРВАЯ

Андрей Трушкин

**Первая борьба
за МИР. Книга первая**

«Издательские решения»

Трушкин А. Н.

Первая борьба за МИР. Книга первая / А. Н. Трушкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696114-2

Это первая часть романа о Второй Пунической войне, ставшей переломным моментом во всей истории человечества. Текст погружает читателя в перипетии античности, создавая ощущение сопричастности происходящим событиям. Чувство долга и самопожертвование, интриги и борьба за власть сделали Рим гегемоном, а Pax Romana основой всего современного мира. Как ковалась эта победа, какие обстоятельства привели к ней? Об этом Вы узнаете, прочитав серию книг, первую из которых держите в своих руках.

ISBN 978-5-00-696114-2

© Трушкин А. Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие от автора	6
На море и на суше	8
Встреча	25
Свадьба	39
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Первая борьба за МИР

Книга первая

Андрей Николаевич Трушкин

© Андрей Николаевич Трушкин, 2026

ISBN 978-5-0069-6114-2 (т. 1)

ISBN 978-5-0069-6113-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие от автора

Античная история уже долгое время является моим хобби, дополняющим общие профессиональные интересы. Являясь автором книг по основной специальности, я никогда не оставлял надежду написать исторический роман. Но чему же он должен быть посвящен? Ведь античная история столь многообразна, мифологизирована и романтизирована, что выбрать одну тему из множества кажется крайне сложным занятием. Тем не менее проблемы выбора у меня не было. Тематика борьбы Рима и Карфагена являлась фаворитом за явным преимуществом.

В мировой истории было немало переломных моментов, в которые определялось, по какому же пути пойдет ее течение, что станет основой последующего развития. И не будет преувеличением сказать, что именно таким переломным этапом стали Пунические войны (III—II вв. до н. э.) – под таким названием они изучаются в современной историографии. Нельзя исключать, что при определенном развитии событий они именовались бы Римскими, а мы все жили бы в совершенно другом организационном, культурном, языковом и философском мире. Ведь Рим и Карфаген столкнулись между собой не просто в качестве двух крупных и сильных держав древнего мира. Они были на пороге превращения в империи, несли свой культурный код покоренным народам, переформатировали мир под себя. Их интересы простирались далеко за пределы Италии и Северной Африки. Итог известен – Рим победил, а его культура и институты стали основой развития средиземноморской цивилизации. В случае иного исхода столкновения Средиземноморье могло быть объединено и в значительной мере унифицировано на совершенно ином базисе. Поэтому неудивительно, что столкновение двух великих цивилизаций древности до сих пор привлекает к себе значительное внимание. Нередко можно встретить мнение, что данное столкновение стало первой мировой войной, произошедшей задолго до трагедии, традиционно именуемой подобным образом. Как тут не сослаться на слова В. И. Ленина, положенные на бумагу в работе «К пересмотру партийной программы», датированной аккуратно периодом Первой мировой войны: «Империалистские войны тоже бывали и на почве рабства (война Рима с Карфагеном была с обеих сторон империалистской войной), и в средние века, и в эпоху торгового капитализма. Всякую войну, в которой обе воюющие стороны угнетают чужие страны или народности, воюя из-за раздела добычи, из-за того, „кому больше угнетать или грабить“, нельзя не назвать империалистской». То есть внимание данному столкновению уделял политик, вроде бы ставивший во главу угла классовые противоречия, индустриальный характер империализма, на первый взгляд нехарактерные для периода Античности.

Вопросы развития античного общества я оставляю в стороне и отсылаю читателя к замечательной книге Н. А. Машкина «Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность» (1949). Обращение к приведенной выше цитате важно тем, что лишний раз подчеркивает тот факт, что в рассматриваемый период мир находился на переломе. И поскольку и в последовавшие за этим века, и, осмелюсь предположить, в века будущие мир неоднократно может оказаться на переломе, имеет смысл вернуться к той борьбе, которая воистину стала первой именно за Мир. Если Л. Н. Толстой противопоставлял войну и мир, то в случае Пунических войн можно утверждать, что именно римский мир (*Pax Romana*) стал следствием войны. Римский мир же, в свою очередь, стал основой европейской цивилизации, внес выдающийся вклад во все цивилизации современности. Поэтому период его становления непозволительно предавать забвению.

Безусловно, можно создать научную работу, посвященную столкновению латинской и пунической цивилизаций. Но я не являюсь профессиональным историком, а потому книга, которую читатель держит в руках или открыл на экране электронного устройства, является историческим романом. Значительное количество персонажей, упомянутых в ней, существо-

вали в реальности. Надеюсь, что читатель простит несколько вольное обращение с их биографиями и этапами жизненного пути, ведь это право автора.

Приятного чтения!

На море и на суше

Журчание воды за бортом раздражало и врвалось в сознание, не давая заснуть. Впрочем, Карталон отдавал себе отчет в том, что высокая чуткость ощущений была следствием его бессонницы, но никак не причиной. И вода, и неудобное ложе, и мерный звук гребли воспринимались остро ввиду его возбужденного состояния. Завтрашнее прибытие в столицу пунийской Испании, столь грубо именуемой ее жителями Иберией, волновало карфагенянина и лишало отдыха. А как же он был нужен. И именно сейчас сон не шел. Поежившись от холода, Карталон поднялся и, закутавшись в плащ, направился к борту пентеры, уверенно бороздив-

шей воды Внутреннего моря. Напряжение, копившееся последние месяцы, давало о себе знать, заставляло видеть все окружающее в мрачном свете и заражать пессимизмом сподвижников. Поэтому Карталон не удивился, заметив очертания знакомой фигуры у борта корабля. Господин и повелитель также не спал, вместо этого созерцая забортную темноту и погружаясь в размышления. Ночью шаги Карталона, и днем не отличавшиеся тишиной, слышались особенно громко.

– Не спится, Карталон? – тихо спросил Ганнибал.

– Сейчас не до сна, – в личных беседах Карталону, как одному из наиболее приближенных советников, позволялась определенная вольность, иной раз граничащая с фамильярностью. – Завтра мы прибываем в Новый Карфаген, и начинается наша борьба. Борьба, у которой есть только два завершения – победа или смерть на пути к ней

– Тут ты не прав и сам понимаешь это лучше других, – в темноте Карталон не столько увидел, сколько почувствовал усмешку Ганнибала. – Победа станет этапом следующей борьбы, да и в случае неудачи смерть уготована не каждому из нас. Но ты прав в том, что та часть пути, на которую мы ступили, выходя из Карфагена в море, является наиболее трудной.

Возможно, напряжение, ясно витавшее в воздухе, или ночь над морем подействовали на Ганнибала и внушили ему несвойственное несколько философское настроение. Карталону показалось, что настал благоприятный момент еще раз попробовать убедить своего лидера изменить ранее принятые решения.

– Может, нам все-таки высадиться на сушу не в Новом Карфагене? – завел он уже неоднократно ранее поднимавшийся разговор. – Высадимся на сушу, после чего прибудем в город, пока все ждут тебя с моря. Ввиду возможных нападений иберов защитим тебя доспехами и кругом телохранителей, которых вооружим до зубов. Придя в порт, мы окажемся предоставлены доброй воле наших хозяев.

Он специально сделал упор на хозяевах Нового Карфагена, лишней раз показывая Ганнибалу, что тот будет лишь гостем элиты, уже сформировавшейся на территории пунийской Испании. Последний расчет на самолюбие Баркида. Но и он не оправдался.

– Нет, Карталон. Мы должны прибыть в порт и торжественно встретиться с Красавчиком. Ты ведь не допускаешь, что он нанесет удар немедленно по прибытии. Нет, он будет ждать нашей ошибки. Он осторожен, как всякий торговец. А он именно таков – готов рисковать, но лишь просчитав заранее все шансы. А завтра будет слишком много неопределенности. Он предпочтет выждать. Как и мы. Кроме того, я должен предстать перед войском и командирами во всем блеске. А при твоём предложении мы будем выглядеть жалкой кучкой воров, трусливо пробирающихся в чужой дом. Иди спать, Карталон, завтра будет тяжелый день.

И Ганнибал, подавая пример, отправился к себе. Карталон же остался в одиночестве у борта размышлять о предстоящих опасностях.

«Будь я на месте Красавчика, я бы, наоборот, нанес удар немедленно. Отравление сразу же по приезде, которое можно объяснить лихорадкой, подхваченной еще в путешествии. И сразу решена проблема власти. По крайней мере, в Испании, – думал Карталон, но не решился повторить свои мысли вслух вслед ушедшему жожаку. – Хорошо Ганнибалу, он верит в свою счастливую звезду, его вдохновляет и защищает имя отца. Адгербал спокойно относится к подобным моментам неопределенности, поэтому сейчас крепко спит. А каково тем, кто привык просчитывать все варианты и отдавать предпочтение самому негативному?»

После чего мысли Карталона под мерное журчание волн пошли по привычному кругу.

* * *

Отцом Карталона был Гисгон, один из ближайших сподвижников Гамилькара Барки. Его верная служба суффету и стала основой детской дружбы сыновей карфагенских аристокра-

тов. Гамилькар со своей стороны способствовал ей, поощряя сына не отвергать товарища игр, невзирая на бедность его семьи. Хотя родовая легенда и возводила происхождение Гисгона к самой Элиссе, но большинство представителей знати Карфагена лишь посмеивались над выжившим из ума стариком, продолжавшим истово верить в самое знатное происхождение, которое только и возможно в Республике. Ведь всем была известна преданность царицы предательски убитому своим братом мужу. Элисса отказала в благосклонности царю варваров Ярбе и предпочла покончить жизнь самоубийством, после чего была ассоциирована с Танит – богиней-девственницей. Казалось бы, какие уж тут потомки. Но в роду Карталона верили в легенду, а Гисгон внушал своим детям, что они являются самыми знатными гражданами Карфагена. Тем не менее древность и знатность семьи не подвергались сомнению, хоть и не принесли ей заметного богатства. Да, Гисгон являлся, как и другие аристократы, владельцем земель, обрабатывавшихся множеством рабов, но земли эти были худые, располагались далеко от Багадры на берегу Внутреннего моря и настолько просолились, что давали слабый урожай и не могли служить источником обогащения. Карталон предполагал, что именно хроническая нехватка денег по сравнению с большинством аристократов и толкнула отца на дружбу с Баркой, которая выглядела, откровенно, противоестественно: самолюбивый суфлет, привыкший к беспрекословному подчинению и даже не делившийся замыслами с окружающими его сподвижниками, и всегда державшийся особняком Гисгон, занявший при Гамилькаре должность ближайшего советника, но при этом, как утверждали злые языки, пользовавшийся любым способом продемонстрировать свою независимость. Однако спаситель Республики, как именовали Гамилькара после подавления восстания наемников, прислушивался к советам старшего товарища, а Гисгон был заметно старше полководца. Со стороны казалось, что нехватка средств не тяготит чудака, гордившегося происхождением от первой царицы, и он вполне счастлив близостью к своему более успешному соратнику. Но была и причина для грусти, регулярно омрачавшей чело карфагенского сенатора.

Сколько Гисгон и его жена ни возносили молитв Танит, справедливо считавшейся покровительницей их рода, богиня не даровала Гисгону сыновей. Уже четыре дочери подрастали в знатной семье, но не было сына, которому рассчитывал передать Гисгон свои знания, свою любовь к Карфагену, свою систему взглядов на жизнь. И сразу после рождения Ганнибала, когда Гамилькар отправлялся на войну с Римом, Гисгон вознес горячие молитвы доброй богине и заперся с женой в своей башне на берегу моря. Только верные рабы были вместе с хозяевами, а через положенное время торжествующий отец вернулся в Карфаген с сыном, после чего также отправился на Сицилию – проклятый остров, ставший могилой армий Республики, как море стало кладбищем ее флота. Та война прославила имя Гамилькара Барки, но не принесла счастья Карфагену. Он потерял более пятисот кораблей, истратил казну на выплаты жалованья наемникам, на слонов, на осадные машины, но все равно проиграл. Унижения добавили безрезультатные просьбы займа в Египте – Птолемеи предпочли выбрать сторону латинян. Хитрые греки сами себя перехитрили. Они рассчитывали, что Рим далеко и не будет им столь опасен, как Карфаген, как и все финикийцы затаивший злобу на наследников империи Александра, жестоко расправившегося с Тиром. Но Рим уже на пороге государств диадохов и не удовлетворится малым. Да и Карфаген, дай ему Мелькарт вернуть былую мощь, не простит пренебрежения.

Карфаген проиграл, оставил Сицилию, был принужден к выплате огромной дани. Затем Гамилькар и Гисгон должны были давить слонами тех, кто воевал с Римом под их командованием. А Рим, воспользовавшись трудностями Республики, отобрал еще и Сардинию с Корсикой. Молодой хищник не остановится и будет вести дело к уничтожению всей державы. Ранее ему не хватило сил, но в следующий раз он своего не упустит. И даже в этой ситуации тупоумная партия земельных аристократов во главе с Ганноном пыталась осудить Гамилькара, упре-

кая его в самоуправстве, грабежах, незаконных обещаниях, спровоцировавших Ливийскую войну.

Но не только эти политические и военные дразги омрачали лицо Гисгона, которому следовало бы уже уйти на покой и воспитывать столь долгожданного сына. Уже с юных лет Карталон стал позором для семьи, пятном на ее репутации и положении. Если овалом лица и формой подбородка он походил на отца, то многие иные черты его внешности предоставляли почву для гнусных слухов. Лишь слегка выющиеся волосы были темными, но совсем не иссиня-черными, как у Ганнибала, младших сыновей Гамилькара Гасдрубала и Магона или еще одного товарища детских игр Адгербала, сына одного из вождей торговой партии Карфагена Гасдрубала. Серые глаза принимали оттенок настроения и могли быть как небесно-голубыми, когда мальчик смеялся, так и серыми, как меч, если он замыкался в себе, тая обиду. Бледный оттенок кожи дал клеветникам – наверняка не обошлось без прихвостней Ганнона – основания смеяться, будто сын Гисгона похож на римлянина. На римлянина! Другие завистники утверждали, что отец, разуверившись в способности жены подарить ему сына, выдает за законного наследника сына, прижитого от рабыни. Разумеется, никто не решился обвинить Гисгона открыто, но слухи отравили ему последние годы жизни. Поэтому он с радостью отправился с Гамилькаром в Испанию, хотя здоровье уже настоятельно требовало от него остаться дома. Дома... Неужели Карфаген, распускавший столь подлые слухи, мог теперь считаться домом для того, кто всю свою жизнь служил отечеству?

Не только отцу приходилось мириться со злопыхателями. Сам Карталон столкнулся с насмешками сверстников, которые с радостью передавали ему разговоры взрослых. Как-то и Ганнибал, покровительственно смотревший на друга с высоты своего годовалого превосходства, назвал его незаконным. Привыкнув молча терпеть оскорбления от окружающих, в этот раз Карталон не выдержал и рассказал отцу. В глубине души опасаясь родительского гнева, мальчик сдержал слезы обиды и поведал только факт оскорбления. Гисгон промолчал, но никогда больше с того дня Ганнибал не повторил этой насмешки.

Сколько раз Карталон расспрашивал мать, просил ее сказать ему, что он настоящий карфагенянин, рассеять его горе. Как бы он был горд услышать, что все насмешки – чушь, с какой радостью бросил бы всем в глаза: «Вы все лжецы». Но мать лишь играла его послушными волосами и утешала. Какое же это утешение, если у самой в глазах стояли слезы. Она ни разу не дала мальчугану усомниться в ее любви, но и не развеяла тревоги. Попытался Карталон задавать жгущий его изнутри хуже раскаленных углей вопрос и отцу. Тот посмеивался и уводил разговор в сторону. И в Карфагене, и потом в Испании Гисгон предпочитал разговаривать с сыном об истории родной державы, о ее стремлениях, о знатных гражданах и их интересах, а главное, о власти. Власть в рассуждениях отца была живым существом, она помыкала людьми, приманивала, а затем обманывала и покидала. Уверовавший в благосклонность власти терял все. Малх и Агафокл, Магониды и мамертинцы, Александр и его полководцы – всех власть одаривала, а затем низвергала на землю. Ни один человек не мог справиться с ней. Карталона всегда интересовал ответ на вопрос, возможно ли победить власть, не быть игрушкой в ее руках, но сделать своей. И поскольку вопрос не касался тайны его рождения, отец дал ответ, оставшийся с сыном на всю жизнь.

– Запомни, сынок, – говорил Гисгон, – власть всегда будет с тобой. Но ты не должен считать ее саму собой разумеющейся. Ты должен биться за нее. Всегда, каждый вдох, каждый выдох ты должен посвящать ей. Она должна стать твоей главной богиней... Ну и не забывай про Танит.

– А как не упустить власть? Упустили ведь ее Пирр и Александр, – спрашивал Карталон.

– А вот тут главный секрет власти. Она не любит дневного света. Обладая властью при свете дня, ты озлобляешь людей гораздо больше, нежели богатством или знатностью. Только твой ум может сравниться с властью в части возбуждения людской зависти. А зависть сильна.

Она забирает силу. И вот ты уже не можешь удержать власть, рвешься за ней и падаешь, – продолжал наставления отец.

Твердо запомнил эти беседы Карталон. Если рождение стало сокрытой горечью, о которой он старался не вспоминать, но научился использовать в качестве источника внутренней силы, то разговоры с отцом помнил так, как будто только что расстался с ним. Словно только сейчас видел перед собой седые кудри Гисгона, его умные темные глаза, пронзительный взгляд которых будто буравчиком загонял в него смысл произнесенных фраз.

А затем в Испанию прибыл гонец, принесший траурные вести – скончалась мать Карталона. Получив известия о смерти жены, Гисгон постарел на глазах. Проведя целый день в одиночестве на берегу, ночью он долго разговаривал с Гамилькаром, а вскоре отбыл на родину. Больше Карталон не видел отца. Вернувшись вместе с сыновьями полководца в Карфаген после убийства Барки ориссами, он лишь там узнал, что отец тихо скончался вскоре после возвращения. Тем сильнее запомнился юноше последний разговор, состоявшийся перед самым расставанием.

– Ну похоже, что тебя всему научили, – негромко говорил Гисгон, – ты неплохо скачешь на коне, недурно умеешь управляться с оружием, читаешь на нескольких языках, знаешь все, что знает Ганнибал, да и мои рассказы, как я видел, запали тебе в душу. Но теперь учти главное. Барка – лев, и сыновей своих он воспитывал как львят, здесь римляне не погрешили против истины, распространяя все те слухи, над которыми кто-то смеялся, а кто-то злопыхательствовал. А у льва нет друзей. У него есть стая, в которой он главный. А все остальные лишь временные помощники. Никогда не забывай об этом. Твоей целью должно стать выживание и сохранение положения нашего рода. Ты мой наследник, а потому это станет твоей главной обязанностью. Помни об этом.

Легенды гласили, что в далеком Вавилоне одному из царей привиделись огненные буквы на стене, прежде чем город был взят войском великого персидского властителя Кира. Такими буквами стали для Карталона последние слова отца. Он помнил их и утешался этим воспоминанием в моменты, когда родные сестры показывали ему свое превосходство. Безусловно, Карталон видел, что старшие сестры всегда относились к младшим братьям несколько свысока. Но в случае его семьи на это накладывались позорные слухи, а также раздражение родственниц, вызванное тем, что место рядом с Ганнибалом досталось ему, а не их мужьям. Ведь Ганнибалу предначертана яркая судьба. Не может сын Гамилькара, в возрасте девяти лет поклявшийся в вечной ненависти к Риму, сгинуть в неизвестности. И тот поток военной добычи, который будет ему сопутствовать, должен попасть в руки достойных, а не наглого юнца, который даже и на карфагенянина толком-то и не похож. Исключение составила лишь Аришат – младшая из сестер. Да, иной раз она тоже показывала брату свое превосходство, но часто в детстве играла и говорила с ним, утешала после ссор со сверстниками. Карталон помнил ее ласковые руки, добрые черные глаза и журчащую речь, но не позволял себе часто предаваться именно этому воспоминанию. Соблюдая наставления отца, он продолжал учиться, в преддверии неизбежной новой войны с Римом начал изучать латынь, а также развивал собственную невозмутимость, игнорируя подначки карфагенских офицеров, а затем и сановников после возвращения в Карфаген. Придет время, и все ответят, а пока надо задуматься о том, какую силу набрал зять Ганнибала Гасдрубал Красавчик, фактически ставший безраздельным хозяином карфагенских владений в Испании.

И вот трое друзей – Ганнибал, Адгербал и Карталон – вновь отправлялись в Испанию. Теперь они уже не мальчишки, как бы к ним ни относились окружающие. Они наследники древних аристократических родов и могут заявить свои законные права. Но перед отправкой в Испанию предстояла еще одна важная поездка – Карталон и Адгербал под видом торговцев направились в Рим.

* * *

Рим, бывший когда-то одним из многих городов Италии, стал гегемоном полуострова еще до первого столкновения с Республикой. Отец всегда подчеркивал, что обязан он этим был не только воинской доблести, но и трезвой оценке собственных сил.

– Никогда нельзя зариться на то, что тебе не по зубам, – говорил Гисгон юному Карталону. – Но и отступаться от принадлежащего тебе по праву становится первым шагом к забвению. Сила Рима не в том, что он является родиной яростных воинов. Галлы и иберы, которых мы нанимаем в свое войско, также могут храбро сражаться. Но римские вожди – их называют патрициями – могут четко понять, когда стоит воевать, а когда действовать с хитрецей. В этом они подобны волкам, а ведь именно волчица, согласно их легендам, вскормила первых римлян. На главном из холмов Рима стоит памятник ей. Но есть у римлян и еще одно качество, которого нет у большинства наших соплеменников – они идут до конца. Мы потеряли пятьсот кораблей в прошлую войну, они – семьсот. Но они отстроили флот, а мы просили деньги в Египте. Поэтому они победили. И теперь нас ждет новая война.

– Отец, но почему? – воскликнул Карталон.

– Очень просто. Рим занял всю Италию и объединил ее города в италийский союз. Пользуясь нашей слабостью, забрал Сардинию и Корсику. Сицилия отошла ему по итогам договора, подписанного Баркой и консулом Католом. Но интересы хищника идут гораздо дальше. Ему тесно. А Карфаген не сломлен. Гамилькар погиб бы, не поддержи его торговцы. А торговля не терпит границ. Рим же установил нам границы и будет сужать их, потому что наш мир стал слишком тесным для двух держав. Предыдущая война не решила, кто же будет расширяться дальше, этот вопрос отнесен в будущее.

Отец наставлял Карталона и требовал самому познакомиться с римлянами до столкновения с ними. Изучая записи древних времен, описания мифов и легенд, невозможно понять противника. Незадолго до своего отъезда из Испании на родину он напутствовал сына, потребовав лично отправиться в Рим. Только так можно понять их мысли.

И вот Карталон с Адгербалом в составе торговой делегации едут в стан врага. Адгербал – истинный торговец. Да и неудивительно, учитывая, что его происхождение не идет ни в какое сравнение с предками Баркидов или Гисгона. А вот Карталону сложнее. Один независимый взгляд исподлобья сразу выдает потомственного военного аристократа. Юноша решил ослабить притяжение внимательных глаз черной повязкой. Единственный глаз не будет вызывать такого подозрения. А потерю, если что, можно объяснить столкновением с пиратами. Прежде чем отправиться в Испанию, необходимо познакомиться с римлянами. Ведь если с Красавчиком произойдет несчастье, иметь дело с Римом придется Ганнибалу. Но сам он не может добровольно положить голову в пасть льва, а потому ближайшие друзья должны посмотреть на Рим, подышать его воздухом, понять душу города.

Причалив в Остии, хлебной и солевой столице Италии, дальше карфагеняне добирались до Рима сушей. Карталону понравилась Италия. Нет удушающей африканской жары, влажный воздух ласково наполняет легкие, растительность удивительно богата. Она вовсе не выжжена, как в Испании на плоскогорье, не столь клочковата, как в Африке. Неудивительно, что такая прекрасная страна дала силу воинам защищать ее – римская армия составляется из граждан, в отличие от наемников Карфагена или принудительно согнанных ливийцев. Какие из рабов солдаты? Да и наемники, не получая жалованья, становятся врагами не менее опасными, нежели те, с кем они призваны были сражаться.

А вот сам Рим ошеломил Карталона. И много лет спустя он так и не мог понять для себя, чего же было больше в этом ошеломлении: восторга или презрения. Если в Карфагене кварталы бедноты были отделены от аристократов и не бросались в глаза, поскольку затмевали их храмы Танит или Эшмуна, пышные сады Мегары, огромный порт, то в Риме беднота копо-

шилась вокруг аристократов, как черви, поедающие труп павшего хищника. Нищие, встречающиеся даже на центральных улицах, вызывали брезгливость. Но в какой-то момент Карталон почувствовал силу этой смеси бедности и богатства, знати и простонародья. В ней чувствовалась некая внутренняя сила. Та, которую Карфаген давно утратил. Юноша помнил рассказы отца о прошлом Республики, он догадывался о том, что и у пунийцев была эта сила. Но теперь ее нет, она потеряна. А в Риме она есть. И на Карталона, еще совсем недавно с удовольствием вдыхавшего столь непривычные, но очень приятные запахи незнакомой страны, навалилась гнетущая тоска, моментально вытеснившая приподнятое настроение. Не победить. Как можно победить столь уверенного в себе и внутренне мощного противника. Вот он, будущий гегемон. Но Карталон взял себя в руки, вспомнив многочисленные легенды, говорившие, что и слабый может победить – надо лишь знать, куда и как нанести единственный разящий удар. А для постижения этого знания надо выполнить приказ Ганнибала: понять этот город, столь ненавидимый Гамилькаром. Гамилькаром, передавшим свою ненависть сыновьям.

Уже неделю Карталон бродил по городу, сливаясь с толпой. Он выдавал себя за грека, даже попробовал выдать за латинянина. Бедняки, не придающие особого значения чертам лица, видели светлые глаза и верили ему. Но однажды произошло событие, вновь подорвавшее веру Карталона в окончательную победу. На Авентине к нему подошли двое, и один из них, громадный силач, едва ли не ласково приставил к животу карфагенянина длинный и тонкий кинжал, а второй любезно попросил «господина карфагенского посла проследовать с ним». Приглашение, подкрепленное столь разумным и уважительным аргументом, не принято отклонять, а потому Карталон вскоре оказался в богатом патрицианском доме, пусть и вошел туда не через парадный вход, а через дверь для слуг.

Доставившие пунийца люди оставили его в полутемном помещении одного. Некоторое время Карталон бродил среди колонн в небольшом зале, затем уселся, всем своим видом демонстрируя оскорбленное величие, на скамью, но время шло, и юноша начал беспокойно щелкать пальцами, когда в зале стало на одного человека больше. Вошедший оказался уже старше средних лет, но волосы его были лишь слегка тронуты сединой. Он начинал полнеть, но держался с таким достоинством, что это не бросалось в глаза. Светлые глаза его выглядели добрыми... даже слишком добрыми, чтобы это было правдой. Позднее Карталон понял, что впечатление доброты было напускным, а усиливалось той трезвой мудростью, которая характерна лишь крупнейшим государственным деятелям. Римлянин с легкой усмешкой посмотрел на своего невольного гостя и опустился на сиденье напротив.

– Привет тебе, о Карталон, – начал он, – я должен извиниться за несколько бесцеремонное приглашение, но думаю, что обстоятельства располагают нас к разговору. Не так часто выпадает шанс заполучить умного собеседника, а последняя неделя позволяет подтвердить правоту тех, кто характеризует тебя как умнейшего из сподвижников молодого Ганнибала. Кстати, в этом маскараде нет необходимости – ты можешь смотреть на меня сразу двумя глазами.

Пауза затянулась. Римлянин молчал, все с той же иронией наблюдая за карфагенянином. А в голове Карталона роился сонм мыслей. Кто этот человек? Очевидно, что один из главных в Риме. Зачем я здесь? Почему не убили сразу же? У него послание для Ганнибала? Да кто же это, наконец? Невысокий рост, спокойствие, легкая ирония, подчеркнутое уважение, возраст. Да, такое описание уже было от конфиденентов. Хорошо, что им платит Адгербал – своих-то денег нет.

– Привет и тебе, Квинт Фабий Максим. – Карталон даже удивился спокойствию, прозвучавшему в его голосе. – Судя по тому приему, который был мне оказан, я самый почетный гость, побывавший когда-либо в этом доме. Жаль, что не удалось предварительно поклониться Пенатам, оберегающим твою семью, но надеюсь, я смогу еще исправить это упущение.

– Меня не обманули – у Ганнибала умные друзья. Впрочем, ожидать иного и нельзя было, ведь Гамилькар формировал окружение сына таким образом, чтобы оно помогало ему, а не тянуло на себя, – все так же невозмутимо, как бы разговаривая сам с собой, рассуждал римлянин. – Но должен несколько предостеречь тебя, юноша, ведь твоя горячность, свойственная молодости, сподвигает тебя на совершение ошибок. Вот ты уже и показал мне, что ты собираешь сведения об отцах Республики и делаешь это весьма упорно, да и конфидененты твои весьма искусны и близки к высшему обществу Рима.

Карталон прикусил язык и постарался взять себя в руки. Уверенность должна не просто звучать в голосе, но быть в мыслях и поступках, если он хочет выйти отсюда живым.

– Думаю, благородный господин не обманывается – я обязан собирать сведения о лучших людях Рима, а потому своей фразой не мог выдать никаких секретов. Для меня честь быть гостем в твоём доме.

Улыбка Фабия из легкой стала чуть ли не ласковой.

– Ну что же, ты уверенно подвел меня к законам гостеприимства. Конечно, я мог бы дожидаться, пока ты выйдешь из дома, а потом уже приказать убить тебя, либо передать моим политическим противникам. Но мне несвойственно то, что в сенате и на форуме мы именуем пунийским вероломством. Возможно, твое богатое воображение уже нарисовало тебе то послание, которое я хочу направить Ганнибалу, в виде мешка с твоей головой. Но я не столь кровожаден. Да и простой разговор сам по себе может стать лучшим посланием.

Богатое воображение Карталона рисовало ему не только голову, но и мелкую рыбешку в зубах как знак того, что в римские сети попала мелюзга. Ему стало стыдно за то, что его так легко прочитал римлянин, видевший его впервые в жизни. Мысли упорядочивались, но продолжали прокручиваться в голове. С другой стороны, если они собирали сведения о римлянах, то и римляне обязаны были поступать так же. Особенно это касается Ганнибала и его ближайшего окружения. Значит, надо играть в открытую, насколько это возможно.

– Я чрезвычайно рад, что могу разговаривать с мудрейшим из римлян. Это означает, что путешествие предпринято не зря. Но почему же ты пригласил меня одного?

– Ты говоришь о сыне старейшины Гасдрубала. Он тоже способный юноша. Но он плоть от плоти вашей торговой партии. А ей нужна свобода, свобода от тех ограничений, что накладываем мы. Мы же не сможем поступиться своими интересами, а он этого не услышит. Зачем мне терять время, оно весьма дорого. Ты же сын Гисгона, с которым мы пытались обхитрить друг друга в предыдущей... беседе наших держав. Ты настоящий аристократ и поймешь меня.

Карталон уже окончательно успокоился и взял себя в руки. Его поначалу несколько раздражало высокомерие, сквозившее в голосе патриция, пока он не понял, что оно напускное. Фабий намеренно провоцировал его на ошибку, пытаясь проникнуть в замыслы молодых аристократов. Римлянин справедливо предполагал, что оперившиеся птенцы готовы вылететь из гнезда, и опасался этого. Опасался гораздо больше, нежели показывал.

– Я слушаю тебя, о мудрейший, – яда в голосе Карталона хватило бы на отравление большого отряда.

– А вот это уже невежливо. Я пытаюсь лишь предупредить, и мое послание будет очень кратким. Рим не хочет войны. А Ганнибал со своей клятвой и намерениями оставить на семи холмах пепелище не оставляет нам выбора. Наши боги милосерднее тех, которых почитают в ханаанской религии, они предоставляют нам свободу выбора. Вот и я хочу, чтобы Ганнибал следовал этой свободе. Пусть зарастут раны предыдущей войны. Возможно, наши дети уже не захотят сражаться друг с другом. Быть может, им это уже не понадобится, и они будут жить в *общем* мире.

Карталон прочувствовал то выражение, с которым римлянин проговорил общность будущего мира. Да, римлянин видит этот мир римским, а потому желает дойти до него с минимальными потерями. Ну что же, он будет сурово наказан за это заблуждение.

– Уверяю тебя, даже в мыслях Ганнибал не тянется к войне. Его желания заключаются лишь в том, чтобы воздать все почести своему доблестному отцу.

Карталон заметил, что Фабий прекрасно понял, какие именно почести желает воздать новое поколение карфагенских аристократов своим отцам, но виду патриций не подал. Римлянин переменял тему и некоторое время расспрашивал своего гостя о его отце. В конце концов глава ведущей сенатской партии вздохнул и попрощался.

– Очень жаль, что наше время было столь коротким. Думаю, что в будущем мы еще увидимся. Надеюсь, что тогда мы доведем наш диалог до логического завершения.

– И я приготовлю что-нибудь запоминающееся к нашей новой встрече, – не остался в долгу Карталон.

Но странности визита в Рим на этом не закончились. Практически на выходе из дома Фабия, который юноше пришлось также покинуть с черного хода, его схватили двое дюжих мужчин. Карталон не успел испугаться, поскольку затащили они его в ближайшую таверну и усадили за грязный стол. В таверне пахло дымом, прожаренной едой, вином и уксусом, но было на удивление мало народу. Видимо, она использовалась для подобных специфических встреч.

За столом карфагенянина уже ждал очередной приглашающий, обладавший физиономией типичного грека. Судя поговору, он и был греком. Так что Карталон даже поверил в то, что его действительно звали Клеон. Грек выгодно отличался от Фабия тем, что задавал вопросы напрямую и довольно напористо. Его также интересовали намерения Ганнибала. Но внимание свое он концентрировал на другом. И Карталону стало очевидно, что партия Корнелиев, интересы которой на встрече явно представлял греческий пройдоха, заинтересована в скорейшей войне.

Выйдя из таверны, юноша поспешил к своим. Теперь вернуться на родину можно было уже не с пустыми руками.

* * *

На Карфаген опустилась ночь. Большинство жителей, утомленные дневными делами, крепко спали. Но не до сна было в доме Ганнибала, расположившемся в живописных садах Мегары. Баркид и два его ближайших сподвижника, только что вернувшиеся из Рима, расположились втроем в покоях Ганнибала. Даже вино они разливали сами, дабы рабы не могли подслушать их разговор. Не стоило столь деликатному обсуждению привлекать лишние уши. Даже младшие братья Ганнибала крепко спали.

– Надо сказать, что римляне откликнулись на предложение встретиться. Не зря я разыгрывал этот дешевый маскарад, – рассмеялся Карталон, завершив свой рассказ о состоявшихся встречах.

– Не думаю, что тебе удалось обмануть Фабия, – с сомнением протянул Адгербал. – Тем не менее разговоры действительно получились поучительными.

Карталон хотел было возразить, лишний раз подчеркнуть, что он и не стремился обмануть опытного патриция, задачей было вывести на разговор, но все трое прекрасно понимали, что и Адгербал говорит не в укор ему, а чтобы озвучить общее видение ситуации. Поначалу Ганнибал не перебивал и не вмешивался в их рассказы, но в этот момент показал, почему именно он является лидером и претендует на первую роль в Республике.

– Главное для нас то, что теперь мы четко понимаем: даже в римской элите нет единого мнения о войне с нами. Есть раскол, пусть, возможно, и не такой глубокий, как между нами и Ганноном, – произнес он задумчиво.

«Опять он думает о войне, – пронеслось в голове Карталона. – Но до войны надо еще дожить – наши внутренние недруги не дремлют. И многое отдадут за то, чтобы в бой карфагенскую армию вел не Ганнибал».

– Ганнибал, сейчас наша проблема не в том, что и как думают конкретные римляне, пусть они и выражают интересы своих партий. Проблема сейчас – Красавчик, сидящий в своем Новом Карфагене, – Карталон мысленно скривился от того, что не смог унять тревогу в своем голосе, а ведь он знает, как плохо относится к эмоциям Ганнибал. Но тот не подал виду.

– Да, Гасдрубал набрал большую силу. И его молодая жена нас также беспокоит. Если у них будет сын, то это станет дополнительной проблемой для нас. Красавчику не нужна война, – промолвил Ганнибал.

Сердце Карталона одобрительно взметнулось. Да, взошли семена, которые и он, и Адгербал с любовью высеивали, поливали, охраняли от капризов погоды. Впрочем, наверняка и у самого Ганнибала были сомнения, которые советники только усиливали, но не создавали. Странная измена ориссов, гибель Гамилькара, удивительно быстрое утверждение Гасдрубала командующим испанской армией. Да и последующие события: ориссы перебиты армией Красавчика, они теперь ничего не расскажут даже под пытками, при этом с другими племенами Гасдрубал договаривается мирно. Берит, который принес Красавчик, обещаясь хранить свободу Сагунта. Много вызывает вопросы, тем большие, чем дальше уходят по реке времени события, повлекшие за собой спешный отъезд из Испании. Конечно, зачем Красавчику конкурент, а храбрости устранить Ганнибала у него нет. Неправильно – не нет, а не было. Теперь имя Гасдрубала славит народ – не зря же он выкидывает столько серебра с рудников на потеху толпы.

Впрочем, берит нам даже на руку. Ведь ни Ганнибала, ни Республику он не связывает. Римляне тоже не дураки – специально так долго оговаривали Сагунт в договорах. Знают ведь, что очень скоро Карфаген не потерпит такое изъятие из собственных владений. Повод для войны создают, верят в свою силу. А чего бы им не верить – все сухопутные сражения в предыдущую войну кроме одного они выиграли или свели вничью. Единственная победа на счету спартамца Ксантиппа. И чем же ему отплатила Республика? Отправила в Египет на корабле с пробитым днищем. Чем же она заплатит нам?

– Думаю, Красавчик поддерживает связь и с Ганноном, и с Фабием, – продолжал Ганнибал. – Ненависть ко мне их объединяет. Каждый из них надеется упрочить свое влияние в интересующей его области: Африка, Испания, Италия. Ну а я должен остаться не у дел и сплунуть в какой-нибудь стычке. Скажи мне, Карталон, как ты думаешь, что предпримет Красавчик, когда мы прибудем в Испанию?

– Трудно проникнуть в мысли Красавчика, ведь он старательно избегает встреч со всеми, кто, как он считает, может правдиво рассказать нам о нем. Но я бы на его месте нанес удар немедленно по прибытии. Отрава, кинжал убийцы, неожиданное нападение иберов – вариантов много. С точки зрения безопасности вообще не стоит высаживаться в Новом Карфагене. Но, как мы уже неоднократно говорили, такого варианта для нас не существует. Сейчас главный наш козырь – то, что ты сын Гамилькара. И именно таким ты должен предстать перед войском.

Ганнибал задумался. Прохладный ветер с залива освежал воздух в покоях. Колыхания занавесей при мерцающем неверном свете немногих свечей придавали призрачный характер всему окружающему. Казалось, ожили чудовища, которыми родители пугают детей в домах Карфагена. Эти чудовища ждут. Чего они ждут? Карталону казалось, что стоит сказать одно неверное слово, допустить неосторожный жест, и они набросятся на него. Быть может, они посланы Ганноном? Этот упертый враг затаился. Он не нападет открыто, но всем известно, что его интриги направлены на то, чтобы задержать своих противников в Карфагене, не пустить их к войску. Старый дурак рассчитывает дружить с Римом. Да если бы это было возможно, он бы попросился в систему римских союзов, лишь бы сохранить свои барыши от завидной

земли в долине Баграды. Ну да ладно, не до него сейчас, да покарает его и других нобилей Таниг. Сейчас надо убедить Ганнибала беречь себя. Храбрость Баркида безмерна, но здесь надо пробудить осторожность.

– Нет, Гасдрубал не будет атаковать немедленно. Последние годы он спокойно жил в Испании, выстроил новую столицу. Он окружен воинами, которых задаривает серебром. Иберийские вожди славят его за то, что он действует мирными средствами. А спокойная жизнь расслабляет он будет ждать. Как думаешь, Карталон, если Красавчик будет ждать, то что он предпримет? – нарушил молчание Ганнибал.

– Тут двух мнений быть не может, – Карталон почувствовал себя в привычной струе. – Он введет своих людей в твоё окружение. Возможно, кого-то из тех, с кем мы росли в Испании, надеясь, что подозрительность в отношении них будет притуплена. Они будут поставлять ему сведения, а затем заведут тебя в ловушку, ведь открыто убить тебя Красавчик не сможет, не решится.

Ах, стоило расслабиться, и сразу допустил ошибку. Покровитель уже смотрит с подозрением. Уж не хочет ли сподвижник таким образом застолбить своё место рядом с властителем? Ему уготовлена великая судьба, война с Римом закончится победой. Возможно, в этом Карталон практически не сомневался, Ганнибал вспоминает историю диктатуры Магонинов и примеряет её на себя. А тут кто-то хочет стать тенью будущего властелина... Да, не стоило так резко озвучивать свои мысли. Тем более что ход Гасдрубала лежит на поверхности. И Ганнибал сам поймет, что сверстники, прожившие эти годы в свите Красавчика, ему совсем не сподвижники.

– Мне кажется, что Карталон прав, – вмешался доселе молчавший Адгербал. – Красавчик постарается понять, каким образом наиболее безопасно для себя убрать тебя с дороги. Сейчас ему союзники и Ганнон, и римляне, особенно Фабий, желающий максимально оттянуть войну.

Да, спасибо другу. Даже как будто ветер посвежел. Два озвученных мнения. Но теперь надо молчать, пусть лидер обдумает сам эти советы. Но как перевести разговор, если мы уже зашли так далеко. Но тут сам Ганнибал пришел на выручку.

– С войском понятно. Я должен выглядеть истинным наследником отца. И не выделяться среди воинов. Они должны видеть во мне равного. Ну а имя отца будет обещать им богатые трофеи. Особенное внимание уделить ветеранам, тому же Махарбалу.

Услышав имя Махарбала, Карталон не смог не почувствовать боли в сердце. Привычка сохранять невозмутимое выражение лица позволила не вызвать неудовольствие Ганнибала, но мысли начали разбегаться. Ведь Махарбал, пусть и не обладающий знатностью Баркидов или Гисгона, а может быть, именно поэтому гордившийся своим чистокровным карфагенским происхождением, с самого начала не упускал случая поддеть мальчика, переживавшего из-за подлых слухов. Начальствуя над конницей, Махарбал не упускал случая позубоскалить над промахами юного Карталона, подчеркнуть то, что тот плохо держится в седле, связать это с его родителями. Думается, он и сейчас без всякого наущения Красавчика попытается спровоцировать ссору, чтобы убить позор карфагенского народа, как он регулярно выражался. Ну а Гасдрубал порадует, поскольку группировка Баркидов лишится важного советника. Но нет, не думать сейчас о Махарбале.

– Но важно также заслужить доверие иберийцев. Гасдрубал сделал беспроегрешный ход – после смерти моей сестры он женился на местной варварке. Поэтому простой свадьбой мы не отделаемся. Мы должны затмить его. Поэтому мы должны пойти путем великого Александра. Я не только женюсь сам, но и вас женю на иберийках. Как прибудем в Испанию, ты, Карталон, и займешься этим вопросом: подбирай кандидатуры, согласуй выкуп за невест, только не переплачивай. Нам нужны союзники, которые поддержат меня, когда придет время, – Ганнибал сам вывел своих друзей из затруднительного положения. Но и создал при этом другое.

– Красавчик воспримет это прямым вызовом. У него, конечно, нет твоего образования и кругозора, но он не дурак и сразу поймет, зачем это тебе и кому ты подражаешь, – не выдержал Адгербал.

– Нам это будет на руку, потому что ускорит ход событий. Мы не можем ждать, ведь Красавчик лишь промежуточный этап, а главный противник находится в Италии, – Ганнибал ответил с резкостью, свидетельствующей о нежелании продолжать обсуждение этого вопроса.

У Карталона даже отлегло от сердца. Брак с варварами, который заключит сам сын Гамилькара Барки, успокоит твердолобых идиотов вроде Махарбала. И к нему самому придинок станет меньше. При том воинском умении, которым обладает начальник конницы, отвечать ему и допускать поединок было бы верным самоубийством. Но чувствует Карталон, что к главному еще не подошли. Главная часть разговора еще впереди.

– Карталон, ты поведал нам о твоих разговорах с Фабием и эмиссаром Сципионов. Зная тебя, я уверен, что ты мыслями возвращался к этим разговорам не раз, – начал Ганнибал. – Как ты считаешь, увидев Рим и поговорив с его властями, каким образом нам надо с ними сражаться, чтобы победить. Какой образ действий одобряют Ваал и Мелькарт?

Ганнибал говорит о победе как о чем-то само собой разумеющемся. Но сам он так не считает, неслись бурным потоком мысли в голове Карталона. И то, что он поминает богов, к которым обычно не прибегает в частных беседах, лишь подтверждает его неуверенность. Рим непобедим – так говорят те, кто помнит первую войну. Но Ганнибал должен победить. Он верит в это и одновременно сомневается. Как же ответить? Сказать правду? Что сам Карталон не уверен в победе? Нет, нельзя. Клятва жжет Ганнибала изнутри. Он не может допустить проигрыша. Он давит свои сомнения и призывает в этом помощь богов, в которых не верит, потешаясь над суевериями простолюдинов. О, Танит, помоги мне. Уже допущена ошибка, Баркид с сомнением смотрит на новые мысли. Что сказать о том, что Рим чудовищно силен? О том, что внутренняя сила Рима превосходит карфагенскую, где знать, как земельная, так и торговая, давно удалилась от народа. Да, вот так.

– Победа возможна, о повелитель...

– Да прекрати ты. Я ведь прекрасно знаю, что когда ты начинаешь лебезить, ты лжешь... Ну или не лжешь, а недоговариваешь.

– Но она действительно возможна. Но здесь надо понимать, что сила Рима растет день ото дня. Он моложе Карфагена и не захвачен его пороками – пока. Еще нет той бешеной злобы, застилающей глаза римским нобилям, как они себя называют, и заставляющей их предаваться врагам Республики. И победить мы сможем серией быстрых ударов. И только так. Пока не почувствуют наши зажавшиеся граждане тягости войны, пока не начнут они слушать Ганнона и его приспешников, пока не придется им самим брать в руки мечи, но смогут они полагаться на наемников.

Попал в точку. Внутреннее ликование захватывает Карталона, но лицо остается все столь же бесстрастным. Правильный выбран момент и подача. Черные глаза Ганнибала подернулись поволокой. Наверняка он размышляет о том, сколько надо дать битв римлянам, чтобы разбить их и принудить к капитуляции. Возможно, сейчас он захочет обсудить уже конкретные тактические шаги. Но здесь Карталон ошибся.

– Уже поздно, возвращайтесь к себе. Завтра мы отплываем, – резкий тон Ганнибала заставил его голос прозвучать неожиданно громко и не оставлял сомнений в том, что какие-то окончательные решения уже приняты. Какие? Увы, понять это было невозможно.

Возвращаясь к себе, Карталон прислушивался к шарканью ног телохранителей и размышлял, размышлял, размышлял. Чем дольше он размышлял, тем тяжелее становилось у него на сердце.

Нет, стоя теперь на борту корабля, превосходной пентеры, представлявшей гордость карфагенских верфей и финикийского кораблестроения, он не жалел о том, что окажется

в Испании. Местные жители дикие и грубые. Даже название, которое они дали своей родине, оскорбляет благородный язык пунийцев. Иберия, надо же так назвать собственную страну. Насколько же приятнее человеческому уху новое название – то, которое дали новые власти. Испания... Это звучит гораздо благозвучнее. Но не в названии дело. Для местных варваров они все карфагеняне. Это не спесивые карфагенские аристократы, распускающие слухи и использующие их в политической борьбе. Для иберов он господин, как и Ганнибал. Там, в походах, можно отринуть опостылевший карфагенский образ. И укоротить, а если повезет, то и вообще убрать эту бороду. Все равно на фоне прекрасной курчавой бороды Ганнибала его собственная жалкая рыжеватая мочалка выглядит какой-то насмешкой. О Танит, прости мне уход от образа предков. Но ты видишь, что помощи от этих предков ждать не приходится.

Огорчало Карталона другое. Он отдавал себе отчет в том, что с момента, когда пентера отчалила и взяла курс на Новый Карфаген, дружба с Ганнибалом дала трещину, и дальше эта трещина будет только разрастаться. Ни шелест волн, ни свежий ветер, бодривший все более по мере приближения к цели их путешествия, не могли поднять градус его настроения. Карталон сам не понимал, почему он так расстроен осознанием этого факта, ведь он всегда держал его в уме. Но, видимо, держать в уме и столкнуться напрямую – две большие разницы.

* * *

Но не только на корабле, мчавшемся в Новый Карфаген, кто-то мучался от бессонницы. Посетила она и сам город, бывший целью плавания пентеры Ганнибала.

Гасдрубал Красавчик, находясь в своем дворце и не обращая внимания на угодливо ожидавших его внимания советников, воспаленными глазами смотрел на утопавший в душистой испанской ночи город. Город, бывший творением его рук. Сюда он перенес столицу пунийской Испании, оставив в стороне и дополнительно уязвив тем высокомерный Гадес. Красавчик не доверял жителям колоний. Во время восстания наемников Утика и Гиппакрит поддерживали мятежников. Утика, древнейший и вернейший союзник Карфагена, обращалась в Рим, просила принять ее в систему союзов. Хороша была бы карфагенская держава, если бы под носом столицы находился римский бастион. Да, здесь в Испании находится Сагунт, который имеет такой же статус римского союзника и за сохранность которого он поручился. Как будто он не понимает. Статус союзника и клятва карфагенского полководца нужны римлянам, чтобы в будущем иметь повод развязать новую войну. Они выходили с предложениями о разграничении сфер влияния еще на Барку, но Гамилькар уклонился от конкретных обязательств. Он отнекивался необходимостью контроля испанских рудников для выплаты дани. Дани – Гасдрубал усмехнулся – эта дань была покрыта ничтожной долей добычи. Но сколько ушло на строительство крепостей, на наемников, на слонов, на корабли. На подкуп чиновников в самом Карфагене, ненавидевшем Барку и связывавшем того с поражением на Сицилии, пусть его вина в этом и минимальна. Кого интересуют факты, когда раздается истеричный крик. Да и восстание наемников ставили Гамилькару в вину. Ведь это он обещал воинам огромные деньги сверх жалованья. Именно эти деньги стали причиной восстания. Причиной. И вновь усмешка появляется на усталом лице. Поводом – да, но не причиной. Что могло ждать этих людей, когда Ганнон требовал распустить армию, а рядом лежал сам Карфаген – огромный, богатый, казался бы, такой беззащитный город. И вновь Барка спас Республику.

Спас-то спас. Но потом самому пришлось биться за свое спасение после победы. Старейшины так боялись самой мысли о возможной диктатуре Гамилькара, что судили его. И прибили бы к кресту, если бы не Красавчик, не стоявшая за ним партия. Партия, заинтересованная в торговле. А кто обеспечит торговлю, рынки? Ганнон, погрязший в своих ливийских владениях? Нет, это мог сделать только Гамилькар Барка. Этому он и обязан своей жизнью и сред-

ствами на испанскую экспедицию. Да, проницательности полководца надо отдать должное. Рудники, полузаброшенные со времен падения Тартесса, дают теперь огромные прибыли. На эти прибыли Гасдрубал, сын Гимилькона, оставшийся в Карфагене, подкупает чиновников, обеспечивает народные увеселения, строит торговые и военные корабли. Удалось ослабить влияние Ганнона. И что теперь? Теперь сын Гимилькона интригует в пользу Ганнибала, распускает слухи, что Красавчик стар, что он не способен руководить испанскими владениями, что только Баркиды могут вести Карфаген к славе, а его купцов к процветанию. В пользу Ганнибала... Нет, в пользу своего сына Адгербала, практически не расстающегося со львенком, интригует Гасдрубал. Даже противно, что у Красавчика с бывшим соратником одно имя. Брат погиб, сражаясь вместе с Гамилькаром против наемников, так он сына отдал наследнику Барки. А ведь мог Гамилькар попытаться спасти своего сподвижника у Тунета. Но нет, ничего не предпринял, чтобы защитить его лагерь от орд варваров Матоса. Мучительная смерть военачальников была использована Баркой для ожесточения карфагенской армии и общества. И теперь мы пожинаем плоды этого ожесточения.

Недавно Красавчику принесли слух, что сам он, Гасдрубал, так боится римлян, что якобы стал их тайным союзником. Смешно было бы такое придумать, если бы доли правды в этом не было. Квинт Фабий Максим хочет оттянуть войну. И так было бы лучше для всех. И для Карфагена, и для Рима. Красавчик не испытывал в этом ни малейших сомнений. Как тогда может Гасдрубал не поддерживать отношения с влиятельнейшим римским патрицием, с главой крупнейшей партии в Сенате. Страшно даже представить, что с ним сделают, если узнают содержимое их переписки. Но что поделать. Вчерашний союзник Гасдрубал так алчет власти для сына, что забыл старого друга. А Ганнон, бывший смертельным врагом, становится ситуативным, но союзником. Ведь ненависть, которую тот испытывал к Гамилькару, перенесена на его детей. Ганнон требовал оставить Ганнибала в Карфагене, не отпускать его в Испанию, но не преуспел в этом. Как, впрочем, и всегда. И теперь Баркид со своими зверенышами должен прибыть сюда...

Ганнибал... Пять лет как один день. Безраздельной власти в Испании приходит конец. Сам Гамилькар не мог бы добиться здесь того, что удалось Красавчику. И тем не менее кровь отца, играющая в венах сына, дает ему абсолютное преимущество. Один из крупнейших военачальников, ветеран Махарбал, уже позволяет себе ухмылки в ответ на распоряжения Гасдрубала. Эти ухмылки как будто говорят: «Не беспокойся, твое время вышло». Как бы не так. Эх, не было еще сил пять лет назад, надо было сразу решать вопрос с Ганнибалом. Старый дурак Гамилькар отвлек внимание ориссов. Сам погиб, а дети спасены. И уже не устранить. Удалось только отправить их в Карфаген. А теперь они возвращаются. И стали гораздо сильнее, чем раньше.

Эх, Махарбал. Ну чего тебе не хватает? Разве мало тебе богатств, которыми я тебя щедро одариваю? Неужели тебе приятнее было бы сгнить в грязной канаве в результате бессмысленной стычки с варварами? Но нет, втемяшил себе в голову, что с сыном Барки обретет славу и свое место в истории. Кому нужно это место, если мои идеи могут властвовать вечно. Для этого же война не нужна. Нет, не понять мне эту солдатню. А сколько их сгинет на пути Баркида к победе? А если не будет ее, этой победы?

Нет, надо тянуть время. Время играет на меня. Хорошо, что умерла дочь Гамилькара, браком с которой был скреплен его союз с Баркой. Все равно она не жена. Считала себя его госпожой. И где теперь эта госпожа? Регила гораздо выгоднее. Ее отец, местный царек, славит Гасдрубала по всей Испании. Иберы считают своим. Жаль, что не сразу удалось завести детей. Но теперь Регила ждет ребенка. Это будет сын, Гасдрубал уверен. Его сын станет своим на этом краю света. Надо лишь сохранить силы, чтобы передать власть ему. Но для этого необходимо избегать прямых столкновений с кем бы то ни было. Надо ждать. Ждать и укреплять свои позиции. А там посмотрим, кто кого переживет.

Тревога уступила свое место на лице Красавчика хищной усмешке. Но он скрыл ее в своей бороде, чтобы повернуться к ожидавшим его советникам с бесстрастным выражением уверенности в собственной правоте и проницательности.

Ожидали его трое. Хотя на самом деле их больше, всю свою жизнь Гасдрубал посвятил поиску союзников. Иберы боятся принудительных наборов в армию Карфагена и войны за его интересы вдали от родины – дадим им обещание оставлять молодежь дома. Римляне побаиваются семьи Гамилькара, надо играть на этом. Ганнон не хочет войн и подрыва своего благополучия, истощения несметных богатств – будем действовать демонстративно мирными средствами. Но для сегодняшнего разговора нужны трое, только трое. Те, на кого будет возложена обязанность борьбы с Баркидами.

Молодежь – Ганнибал Мономах и Магон Самнит – нужны для ввода их в окружение Ганнибала. Баркид знаком с ними еще со своего первого испанского периода. Должен если не доверять им, то обсуждать часть планов. А они в свою очередь следят за ним. Это то, что требуется от двух молодых людей. А решение примет он сам. Ну а Гимилькон нужен для координации их действий, для провоцирования того несчастного случая, который развяжет Гасдрубалу руки.

– Друзья, – начал Красавчик. – Вы должны встроиться в окружение Ганнибала. Быть его друзьями, помогать ему. И рассказывать Гимилькону или мне все, о чем узнаете. Не пытайтесь играть, исключите советы ему. Ваша задача – получить информацию и передать ее далее.

Конечно, зачем этим идиотам даже пытаться играть. Их сразу раскусят. Ведь там проныра Карталон, о хитрости и подозрительности которого сообщали и Ганнон, и другие доброжелатели из Карфагена. Возможно, что он уже считает всех, кого встретит здесь, врагами. Поэтому и никаких сведений выдавать этой паре не следует. Если их будут пытаться, они должны честно сказать, что им поручили только сообщать о словах и действиях Баркида. Ну а сам он потом отболтается. А эти двое... Ну что же, они все равно не жильцы. Как выполняют свою задачу, от них все равно надо будет избавляться. Знают многовато. И будут знать еще больше. А своему сыну Красавчик подберет других подходящих друзей.

– Господин, задачи понятны, – начал Мономах. – Но как завоевать доверие Ганнибала? Чтобы он начал делиться планами?

Хитер, хореk, а соображения не хватает. Или хватает, но вынуждает к четким указаниям. Делать нечего – придется озвучивать.

– Вспомни клятву, которую он принес перед отправкой в Испанию. Он мечтает сокрушить Рим. Если его отец приобрел эту ненависть на войне, то у Ганнибала она врожденная. В этом его сила и в этом же его слабость. Используйте это, давите на больное место. Он должен считать, что вы двое понимаете его лучше тех, которых он привезет с собой – наверняка за эти годы у них уже были конфликты. С вами их быть не должно. А теперь идите все отдыхать. Они должны прибыть завтра, так что нас ждет трудный день.

Все трое поднялись и отправились к выходу. Гимилькон вроде бы хотел остаться и что-то сказать, но, увидев неудовольствие, тенью пробежавшее по лицу Красавчика, также вышел. Гасдрубал колокольчиком вызвал раба с вином. Больше ему ничего не хотелось, он отпустил слугу и устроился на террасе. Внизу крепко спал огромный город. Его город. Он его запланировал вместо бездарно расположенного Акра Левке. Как можно было так неудачно строить ключевую базу завоеваний. Нет, неправ был Гамилькар. Он, Гасдрубал, исправил его ошибку. Столица должна быть у моря, в нее будут прибывать корабли – тысячи, а затем и десятки тысяч. Карфаген видит то, как Мелькарт погружается в море. То же самое видит и Гадес. Его столица встречает бога каждое утро. И он не собирается отдавать ее юнцу, единственное достижение которого заключается в рождении в высокородной семье.

Красавчик улыбнулся. Он многого добивался сам. Заискивал перед чернью, которая требовала крови богачей, особенно в период мятежа наемников. И любовь черни он принес

Гамилькару вместе с деньгами и влиянием торговцев. Кто будет лучшим предводителем торговой Республики – воин, землевладелец? Нет, тысячу раз нет. Только он. У римлян есть прекрасное слово – император. Так солдаты называют удачливого полководца. Ему повинуются все и всегда. Так же именуют триумфатора. Его задача – чтобы его сын стал таким императором. Сам Красавчик может не успеть. Но он многое сделал для успеха своей крови. Только бы Баркиды не успели помешать.

Нет, надо успокоиться. Завтра сложный день, встречать его надо с холодной и свежей головой. Лучше думать о той столице, которую он выстроил. Здесь дыхание Испании – иберы привозили кусты и деревья своей земли, чтобы оживить иссохший полуостров. Сам он сумел перевезти сюда растительность Африки, которая дала новое видение этому северному краю. И отдать это все Ганнибалу? Нет, нельзя даже думать об этом...

* * *

Не спал и Ганнон в своем богатом доме в карфагенской Мегаре. Он вообще плохо спал в последний год. Иногда он связывал свой плохой сон с волнением за судьбы Республики, но приберегал это сравнение для публичных выступлений. Сам он понимал, что здоровье у него уже не то, что в юности, и сокрушался, что никто из его молодых сподвижников не решался брать с него пример при выступлениях в Совете. Что толку уныло пережевывать одно и то же, если в Совете Гасдрубал, продвигая интересы своего сына, во всем защищает Баркидов. Эти отродья Гамилькара вызвали у него кожный зуд. О чем они только думают? Как разжечь пожар войны по всему земному кругу. Даже когда римские солдаты окажутся под стенами Карфагена, Ганнибал не поймет, что это случится только из-за него самого. Он будет обвинять честных аристократов, желающих лишь добра Республике, что те привели врагов к порогу. А единственным виновником этого несчастья будет лишь он сам.

Ганнон встал, торопливо оделся и начал вышагивать по помещениям. Все это принадлежало ему, создавалось и наращивалось его семьей на протяжении сотен лет. Да, они умели приумножать богатства, не чета Баркидам. Или Гисгону – отцу этого щенка Карталона. Тот всю жизнь пытался влиять, кичился своим происхождением от самой Элиссы – наглость какая – и был фактически нищим. И теперь его сын, наверняка прижитый от какой-нибудь рабыни, выплескивает свою ненависть к Карфагену в уши Ганнибалу. Нельзя было их отпускать. Кто знает, справится ли Красавчик с ними. Нет, даже когда Ганнибал со своими друзьями потеряют все, они будут обвинять его, Ганнона, в своих бедах. Они возьмут пример с Барки. А ведь Ганнон не уставал предъявлять доказательства, что он был ни в чем не виноват.

Ничего это сражение у Эгатских островов уже не решало. Барка уже более трех лет копошился в своей Сицилии на носовом платке. И тут у римлян появился флот. Флот, который смог отрезать Сицилию от Карфагена. Никто не мог понять, откуда у римлян столько боевых кораблей. Война шла уже более двадцати лет. Рим терял флот за флотом, армию за армией, но вновь возвращался на поле боя и с еще большими силами. И теперь Сицилия отрезана, Гамилькар погибнет от голода, ведь снабжать Дрепанум и Лилибей можно только с моря. И в этой тяжелой ситуации Ганнон возглавил флот, который должен был прорвать блокаду, привезти Барке продовольствие, спасти его от верной смерти. Флот... Это одно название – не меньше половины кораблей были обычными торговыми судами, не приспособленными для сражения. А откуда было взять боевые корабли, когда Птолеми отказали в займе? Фактически Ганнон был готов идти на верную смерть ради блага Республики. Да, он проиграл, но никто не смог бы выиграть тот бой. А его обвинили во всех несчастьях. Гамилькар три года осаждал римский лагерь в Эриксе и ничего не добился, а Ганнон у них виноват. Но мудрость Республики оказалась сильнее всех наветов недоброжелателей. Ганнона оправдали. Оправдали, чтобы затем вновь безосновательно обвинить.

Никакой вины стратега в мятеже наемников не было. Гамилькар обещал им огромные деньги сверх жалованья. За одно это Барку следовало бы осудить. А Ганнону пришлось оправдываться перед варварами. И потом, на какой успех можно было рассчитывать под Утикой – против него профессиональная армия, а у самого стратега минимальное ополчение и необученные слоны. Зато Барка победил. Конечно, победил. Продал дочь нумидийцу Наравасу за помощь кавалерией и слонами, но и этого не хватило. Варвары убили брата Гасдрубала Ганнибала под Тунетом, а Гамилькар даже не пытался ему помочь. Более того, отступил, подвергнув Карфаген великой опасности. И кто пришел на помощь? Ганнон. Соответственно, и победа у них общая. А бывший комендант Лилибея Гисгон погиб в плену, убитый наемниками, которым ранее раздавал деньги. Честный военный аристократ, выполнявший свой долг. Лучше бы погиб приспешник Гамилькара с тем же именем, тогда и щенка Карталона быстро бы удавили.

При воспоминании о Карталоне Ганнон еще более ожесточился. Этот бастард не похож на карфагенянина, наверняка сын рабыни, ох наверняка. И Республику поэтому ненавидит. Одно хорошо, с такими помощниками Ганнибалу недолго осталось. Один злобный звереныш, второй сын этого тупицы Гасдрубала. Ему бы деньги на торговле считать, а не армии к походам готовить. Хоть это радует. Лишь бы Красавчик не подвел.

А этот может подвести, еще как может. Остается одна надежда – на Рим. Фабий не хочет войны, в этом Ганнон уверен. Он сможет убедить Сенат сформулировать условие не допускать Баркидов до первых должностей. Сам Ганнон не может так выступить. Точнее, может, но его никто не поддержит. А если это придет от Рима, то Совету придется прислушаться. Решено, надо писать Фабию. Главное – зашифровать как следует. Если такое письмо попадет в руки сограждан, страшно представить последствия. Да и Фабий, если содержание будет открытым, сможет использовать его в своих целях. Нет, об этом даже думать не следует. А завтра первым делом взяться за писчий прибор – рабам доверить подобное невозможно.

Встреча

Боги сопутствуют Ганнибалу. А если сопутствуют ему, то и дело его будет успешным. Да и о спутниках его не забудут. Боги Патеки с нами – плавание оказалось спокойным и удачным. Теперь дело за сушей и ее богами. В Испании немного воды, так что теперь, твердо стоя на ногах, можно исполнить все то, о чем рассуждали в Карфагене. Адгербал даже не догадывался, насколько будет рад видеть землю, хотя на корабле, казалось бы, чувствовал себя прекрасно. В отличие от того же Карталона, который не находил себе места. Впрочем, надо отдать

другу должное – теперь, прибывая в Новый Карфаген, он напустил на себя суровый и спокойный вид. И даже деловито всем подсказывает, как лучше разместиться свите предводителя. Да, за эти годы Адгербал научился чувствовать, когда мрачноватый приятель спокоен, а когда нервничает, но походи по внешнему виду. Сейчас же Карталон занят лишь тем, чтобы обеспечить прибытие Ганнибала к войску в том виде, в каком снисходит к смертным божество. Но не строгое и требовательное божество, обычное для ханаанской религии, а доброе, мудрое и снисходительное. Воины должны понять, что к ним пришел новый господин. Только сейчас Адгербал понял, как он был наивен, думая, что Красавчик смиритесь с первенством нового предводителя. Подумать только, возражал Карталону перед отплытием – позорился перед Ганнибалом. Но Баркид мудр – ни взглядом, ни словом не дал понять своего неудовольствия. Теперь Адгербал и сам понимает собственную слабость и благодарен предводителю – тот позволил самому признать ошибку. Зато возникло и тревожное сомнение: неужели сын Гисгона опять окажется прав и Красавчик нанесет удар немедленно?

Но каков Ганнибал. Настоящий вождь. Суровое лицо, пристальный взгляд, который будто бы пронизывает всякого, на кого падает. Иссиня-черные волосы аккуратно завиты, борода тщательно расчесана. Губы поджаты как бы в иронической усмешке, фиксирующей его превосходство. Окружающим остается только склониться перед ним и ждать приказов. Обсуждать их излишне – снизошедшему до смертных боеству открыты пути будущего. Кольца на руках не слишком редкие, но и не избыточно частые. Сами руки видны, но при этом дорого украшены. Видно, что сын Гамилькара несколько волнуется. Дабы скрыть свое волнение, даже с ближайшими сподвижниками он говорит избыточно сурово. Но дело того стоит. Нет второго шанса произвести первое впечатление, а единственный же шанс надо использовать прямо сейчас.

Мелькарт на нашей стороне. Он взошел из вод Внутреннего моря как раз за спиной. Пен-тера входит в гавань столицы Испании в его ореоле. Вода блестит, а солнечный свет скрывает сопровождающие корабли. Встречающие их не видят, чему способствует разница в окраске как парусов, так и самих кораблей. Готовясь к прибытию, все цвета были продуманы. Собрывшаяся в гавани толпа должна видеть только один корабль. Новый повелитель прибывает вместе со своей небольшой свитой, он один и достаточно храбр, чтобы при всех неблагоприятных обстоятельствах уверенно идти навстречу превратностям судьбы. Удача сопутствует ему, а значит, боги на его стороне. И Ваал, которому он благодаря имени посвящен, и Мелькарт, который будто бы составляет его свиту. Ну и наивная привязанность отца Карталона к Танит тоже к месту – богиня также на стороне Ганнибала.

Но вот уже корабль пришвартован. Пора сходить. Кто же встретит. А, впрочем, это и не так важно. Важен наш выход. Впереди шествует сам Ганнибал. За ним двое сподвижников – сам Адгербал и Карталон. Далее уже охрана. Встречает лично Красавчик, а как иначе. Невзирая на возраст, он все еще оправдывает закрепившееся за ним с ранней юности прозвище. По правую руку от него ветеран Махарбал. А волосы-то у заслуженного начальника конницы несколько поредели за пять лет – вот что значит не расставаться со шлемом. Но по случаю сегодняшнего торжества он сменил доспехи на приличную одежду. По левую руку Гимилькон. Этого Адгербал помнит еще с предыдущего своего пребывания в Испании. Всегда вертелся около Гасдрубала. Если Карталон прав в своих подозрениях, то возможно, что именно он ездил к ориссам перед... Но не будем думать об этом. Украшениям Гимилькона позавидует любая карфагенская модница. Даже противно, что он носит одно имя с братом Адгербала. Позади молодежь. Видимо, кто-то из них будет подведен к Ганнибалу в качестве лазутчика. А, может, и не только лазутчика. Но мы все понимаем их намерения, а потому они нам не опасны. Опасен сам Красавчик, ведь он и хитер, и озлоблен появлением конкурента. А злобу свою скрывает за радушной улыбкой и крепкими объятиями. Красавчик произносит речь. Он старается, чтобы все слышали, как он ценит Баркидов. Гасдрубал лишь выражает сожаления, что не при-

были в Испанию братья Ганнибала – Гасдрубал и Магон. Конечно, он сожалеет, ведь в этом случае он мог бы избавиться от всех одним ударом. Толпа встречает радостными воплями каждую фразу Красавчика, тому даже приходится делать паузы, чтобы дать крикунам проораться. Ну что же, понятно, на что он расходует серебро с рудников. Далеко не все оно уходит на нужды Республики. Значительная часть его остается в Новом Карфагене. На него содержится наемная армия, покупаются все эти крикуны с их неутомимым славословием. Их задача – создать впечатление, что Красавчик – бог пунийской Испании. Он здесь хозяин, а прибывшие – лишь случайные гости.

Но уже видно, что значительная часть усилий радушного хозяина пошла прахом. Махарбал, забыв о правилах приличия, стоит разинув рот. Как будто громом пораженный, видит Ваал. И есть от чего. Ветеран боготворил Гамилькара Барку, почитает его тень, а тут вновь видит молодого кумира. Нет, не зря Карталон просиживал ночи напролет над пергаменами, изучая описания внешности Гамилькара, не зря все они втроем напрягли память, восстанавливая мельчайшие детали внешности, привычек, поведения полководца. И теперь Ганнибалу не надо играть – он и есть продолжение своего отца. Тонкие губы изогнуты в улыбке – одновременно повелительной, слегка насмешливой, но и такой располагающей. Черное одеяние и пурпурный плащ – все в точности как у Гамилькара. Драгоценный обруч сияет в волосах, довершая облик Мелькарта, обращающегося к людям.

Ганнибал произносит речь. Он отвечает на приветствие Красавчика, но обращается к людям, собравшимся в порту. Голубые воды Внутреннего моря разбиваются о пирс. А темные волны людской массы заполнили всю землю, примыкающую к морю – яблоку негде упасть.

– Я прибыл сюда продолжать дело отца. Он принес сюда силу и мощь карфагенской державы и приумножил их. Благодаря отцу мы сегодня можем без опаски жить в прекрасных городах, наслаждаться результатами своего труда, проводить дни в богатстве и счастье. И мы должны приумножить их. Именно для этого я здесь. Если кто-то возводит хулу на имя Гамилькара Барки, пусть знает, что я все слышу. Ничто не скрывается от меня, и такой хулитель отдаст все за произнесенные оскорбления. Но отдаст не мне. Он отдаст все вам...

Прекрасная идея Карталона – сразу завоевать доверие войска. А сделать это можно лишь одним способом: убедить воинов, что впереди новые грабежи. Жажда наживы пересилит у варваров, составляющих подавляющее большинство карфагенской армии, страх смерти и желание покоя. Испания вплоть до Ибера принадлежит Карфагену, пусть власть над частью племен эфемерна. Тут новых грабежей не предвидится. Добыча будет минимальна, а сколько из нее уйдет на подкуп чиновников в Карфагене. Севернее Ибера, даже если двинуться туда в нарушение договора Гасдрубала с Римом, живут бедные племена, там особо не разгуляешься. Но Барка был смертельным врагом римлян, свою ненависть он передал сыну. А значит, Ганнибал поведет войско в Италию. О, вот тут будет чем поживиться. Именно римляне порочат память отца Ганнибала, это понимают собравшиеся вокруг наемники. Они слышат слова Ганнибала и представляют себе разграбление богатейшей Италии – страны, которая со времен Пирра не знала ноги завоевателей.

– Я прекрасно помню, – продолжал Ганнибал, – что в трудные для Республики времена нас всегда выручала наша торговая смекалка. Наши люди снаряжали корабли, отправлялись в дальние плавания, открывали новые торговые пути. Благодаря этому росла и крепла Республика. И такой путь для нас единственно верный. Мы никогда не свернем с него. А если кто попытается чинить препятствия нашей торговле, ну что же, тогда его порты станут нашими, его корабли будут лежать на морском дне, в то время как наши бороздят море и везти товары.

А это уже идея Адгербала. Не зря его семья сделала свои несметные богатства именно на торговле. Пусть он и не столь знатен, как Баркиды, но богатства его отца служат им неоценимой поддержкой все последние годы. Иначе как удалось бы парализовать влияние Гасдрубала, тайно спевшегося с Ганноном. Сколько серебра ни присылал Красавчик, львиная его доля

попадала карфагенским чиновникам от отца Адгербала – они получали деньги от Гасдрубала, только другого. Положим, себя он также не забывал, но здесь нет никакого греха, ведь это скромная плата за труды. А если в какой-то момент боги отвернутся, то откуда черпать средства? Эти богатства Адгербал рассматривал как запас именно на такой случай.

Но как же хорошо на твердой земле. Теперь можно будет возобновить прерванные на период плавания упражнения – метание копья и ножей. Адгербал добился в этом заметных успехов. Вполне возможно, что уже скоро придется применять свое умение на практике.

* * *

Сколько Адгербал помнил себя, его семья была одной из богатейших в Карфагене. Невзирая на весьма спорное прохождение ценза знатности, здесь завистники тоже распространяли слухи о подкупе, благодаря своему состоянию предки играли важнейшую роль в Республике, пусть и не занимали ведущих постов в президиуме Совета. А обязана этим семья была торговле. Предки не боялись превратностей судьбы и неверности моря. Они поднимались на корабли и бороздили воды Внутреннего моря, пробирались за Столпы Мелькарта, находили на бескрайних водных гладях таинственные острова, открывали на них новые рудники, не давали спуску жадным конкурентам, мечтающим присвоить себе то, что принадлежало первооткрывателям по праву. Да, прашуры не столь известны, как Ганнон Мореплаватель. Но кто знает, сам ли он достигал тех земель, о которых сейчас зачастую лишь слагают легенды. Глядя на Ганнона, а особенно послушав его речи и сопоставив их с его реальными делами, вполне можно подумать, что и его великий предок всего лишь похитил чьи-либо открытия.

Да и какой мореплаватель из Ганнона. Отец всегда давится смехом, когда вспоминает о случившемся при Эгатских островах. Ганнон, командовавший флотилией, метался туда-сюда вместо того, чтобы принять решение. Он мог вернуться в Карфаген, понимая слабость эскадры и спешно набранных команд, мог идти на прорыв, пока римский флот не собрался воедино. Вместо этого он сначала отошел в сторону Карфагена, а затем, дождавшись воссоединения вражеских кораблей, предпринял попытку прорыва при неблагоприятном ветре. А ведь предупреждали его, что задача – прорыв. Необходимо было принять на корабли опытных воинов Гамилькара Барки, запертых в Сицилии, и уже там попытаться счастья в сражении с Римом. Видят боги, Гамилькару тогда могла бы улыбнуться удача. В войне было уже не победить, но закрепить за собой остатки Сицилии, не потерять Сардинию и Корсику виделось вполне достижимым результатом. Так говорит отец. А отец не стремится говорить попусту. Того же он требует и от семьи, и от клиентов, которые организуют торговлю на его деньги. Но после того, как море оказалось усеяно обломками кораблей Республики, после того как стало ясно, что невозможно выделить деньги на строительство новых судов, после того как из Сицилии пришли известия о голоде в армии, можно было лишь заключить мир на условиях консула Лутация. А этот римлянин оказался достаточно умен, чтобы понять – в той подвешенной ситуации, когда напротив него находилась вполне еще боеспособная армия, нельзя требовать несбыточного. То, на чем погорел консул Регул, перенесший войну в Африку, учел консул Лутаций. Да, дураки из римского народа не утверждали этот мир, даже комиссию крикунов прислали для пересмотра условий. Но, увидев реальную ситуацию, они сразу замолчали. Лишь контрибуцию подняли, дабы не позорить народное собрание – высший орган власти у врагов. Вспоминая рассказы отца об этом позоре римлян, Адгербал никогда не мог сдержать усмешки. Придет время, и они ответят.

Да, какой Ганнон мореплаватель. Адмирал Адгербал, родственник Гасдрубала, разбил огромный флот римлян при Дрепануме, враги потеряли почти двести кораблей. Это не шутка – такой флот восстановить они могли только с помощью Мота и Яма. Адгербал всегда гордился тем, что носит одно имя со столь знаменитым родичем. А Ганнон давно потерял связь с морем.

Его семья привязалась к земле, эксплуатирует ливийцев, живет тем, что приносит плодородная долина Баграды. Вот и сыграла свою роль эта эксплуатация. Ганнон в своей жадности дал повод наемникам восстать, а потом в армию варваров влились почти семьдесят тысяч ливийцев, желавших отомстить господам. Но эти уже получили свое. Победа Гамилькара привела к тому, что кровавую жатву собрали во всех ливийских поселках. Так тому и быть. Рабы должны знать свое место. Но и допускать возможность их объединения в мятеже нельзя. Да, Карфаген спасся, но дорогой ценой. Рим отобрал Сардинию и Корсику. А сколько погибло людей из числа тех, кого пришлось мобилизовать в отсутствие наемников. Это не удел карфагенянина – житель Республики не должен сам воевать. Воевать должны варвары под мудрым руководством лучших граждан. Была у семьи Адгербала и очень тяжелая личная потеря.

В тяжелейший момент, когда армия Барки противостояла наемникам и значительно уступала им в численности, Гамилькару помогли два отряда. Один из них привел ему на помощь нумидийский аристократ Наравас. Карфагенский полководец даже выдал за него свою дочь – красавицу Саламбо. Адгербал не помнил ее лица, она умерла сразу после торжества в честь победы над наемниками. Смерть Саламбо не позволила Наравасу стать полноценным родственником Барке и претендовать на высокие должности в Республике, после чего он стал ее тайным противником, постоянно провоцировавшим царька массилиев Галу на столкновения с Карфагеном. Но все, кто видел дочь Гамилькара, называли ее одной из красивейших женщин Республики. Второй же отряд прибыл к войску из Карфагена и возглавлялся Ганнибалом, братом Гасдрубала и дядей Адгербала. Усиленная армия карфагенян смогла парализовать действия наемников и заставить их разделиться.

Хитростью Гамилькар взял в плен ряд главарей мятежников и уничтожил их значительные силы в местности Прион. И когда казалось, что победа близка, когда оставшиеся наемники и их предводитель Матос были осаждены в Тунете, варварам удалась успешная вылазка. Они разгромили лагерь дяди, а его самого пытали и прибили к кресту. Гамилькар не смог прийти на помощь, а трусливые нумидийцы сбежали. Да, мятежников впоследствии перебили, Матоса забили насмерть в центре Карфагена, но дядю уже не вернуть. А его слава героя войны могла пригодиться отцу в борьбе за лидерство в торговой партии. Нет, нельзя доверять наемникам. Ненависть к ним теперь в крови Адгербала. И опрометчиво доверяет им Карталон. А, может, и не доверяет, но регулярно проводит время в их обществе. Впрочем, другого и ждать не приходится. Для них он знатный карфагенянин, господин, повелитель, в то время как в Карфагене лишь сомнительный полукровка, как бы его отец ни стремился это опровергнуть.

Зато Карталон незаменим в вопросах, когда надо придумать что-то новое или распознать козни врагов. Именно он выявил отравителей среди слуг Ганнибала. Жаль, что не удалось выйти на заказчиков покушения. Все выявленные следы вели к мутным личностям, принадлежащим к карфагенскому дну. Все связи среди банд, контролирующих мелкую торговлю, оказались бесполезны. Вполне возможно, что ниточки могли тянуться и в Испанию, и к Ганнону, и в Рим. Рим наверняка боится Ганнибала. Во время первой войны Гамилькар предпринял ряд успешных рейдов в Южной Италии, нанес поражение врагам у Эрикса. А сын талантлив в отца и может стать самым опасным противником для надменных римлян. Но с надменными Адгербал погорячился. Карфагенская аристократия не уступала латинской. Но война умерила их пыл. Только Гамилькар да адмирал, родственник и тезка Адгербала, смогли нанести им хоть какие-то поражения. Под Панормом потеряли целых 120 слонов. Причиной была оторванность аристократов от войска, неумение командовать. Вот и удалось представителям не земельной, а торговой знати пополнить и Совет, и армейское командование. Тем неизбежнее новая война с Римом.

Отец все время повторяет: Рим придет к необходимости торговой монополии. Без этого невозможно поддерживать благосостояние граждан. А без благосостояния не будет спокойствия, необходимого аристократии. И римская аристократия в этом плане ничем не отлича-

ется от карфагенской. Поэтому новое столкновение не за горами – Рим и Карфаген нуждаются в монополии в торговле, в новых рынках. А там, чем боги не шутят, надо будет присмотреться и к восточным землям, примыкающим к Внутреннему морю. Наследники Александра в бесконечных войнах измотали собственные страны. Они не смогут противостоять победителю западного противоборства. Но сперва надо победить здесь, на Западе. И Ганнибал все делает для этого. Спасибо Гамилькару – он воспитывал сыновей и их друзей при войске, они чувствуют его дыхание. Но и учебной молодежь не пренебрегала, пусть иной раз учитель Сосил и утомлял своим занудством. Карталон так вообще предпочитал изучать историю и философию, а не упражняться в военном искусстве. Вот и на коне держится хуже друзей. Наверняка вновь Махарбал будет над ним зубоскалить по этому поводу.

Но отец повторяет и еще одно: «Я отдал Барке брата, не хочу отдавать сына». Это не значит, что не надо быть рядом с Ганнибалом – так не сохранишь интересы семьи. Но отец призывает не отдаваться Баркидам без остатка. Здесь он неправ – Ганнибал потрясающе мудр, иной раз кажется, будто боги подсказывают ему каждую мысль, каждое действие. Он не оставит нас в беде. Главное – быть рядом и защитить его от недоброжелателей. А их хватает. Один Красавчик чего стоит. Да и от римлян следует ждать провокации. Римляне заинтересованы затянуть время до новой войны. Многие в торговой партии сходятся в том, что должна была Республика помочь этрускам, и не было бы у нас такого врага. А теперь ждет схватка не на жизнь, а на смерть. Гегемон останется только один. Ну что же, так тому и быть...

Отец вообще перестраховывается. Неоднократно он заводил с Адгербалом странный разговор, предлагая не доверять Карталону. И делал при этом упор на задумчивость друга. Один из таких разговоров особенно запомнился юноше.

– Я знаю, что ты меня не слушаешь, – начал отец, – но пусть слова будут произнесены: не доверяй тем, кто много размышляет.

– Но почему?

– Ты не можешь знать, что гнездится в душе человека, который привык к долгим одиноким размышлениям. Если он не делится ими, то вполне может замыслить что-то против тебя. Еще раз повторяю, не доверяй Карталону. Ему есть за что ненавидеть многих аристократов, ваших ровесников. Как бы он не припомнил эти обиды в самый неподходящий момент.

– Но эти обиды были в детстве...

– Тем болезненнее они для него. Не доверяй Карталону. И Ганнибала предостереги. Я уже махнул рукой на то, что ты ввел Баркида в свой пантеон. Остается надеяться, что удача не изменит ему. Мы же со своей стороны сделаем все, чтобы Совет поддерживал его действия. Ты следи за тем, чтобы измены не было в ближайшем окружении. Иначе она потянет на дно не только Ганнибала, но и всех нас. Помни, ты в окружении вождя несешь ответственность за всю семью: за брата, за сестер, за свою будущую жену и детей.

Да, жена... Ганнибал, подражая Александру, хочет жениться в Испании на местных уроженках, привлечь на нашу сторону вождей. Хочет женить и своих ближайших сподвижников. Возможно, что и его братья придут для непосредственного участия в торжествах. Карталон еще перед отъездом получил указание, что именно он ответственен за поиск подходящих кандидатур. Адгербал также выразил пожелание, чтобы жены были красивыми – с мрачного Карталона станет выбирать исключительно по возможным преимуществам от родственных связей. Вот и посмотрим, насколько он проницателен в столь щепетильном деле.

Но, видимо, достаточно проницательным его посчитали римляне. Квинт Фабий Максим, один из наиболее влиятельных римских аристократов, лично встретился с Карталоном. От семейства Сципионов встречался посредник. Адгербала несколько раздражало такое внимание к соратнику, ведь они вместе были в Риме. С другой стороны, вполне возможно, что римляне акцентировали внимание именно на Карталоне из-за происхождения. С самим Адгер-

балом все ясно – он будет противостоять Риму прежде всего ввиду своей семьи. А там и решим, кто окажется ближе к Ганнибалу после победы. Пока же надо устранить Красавчика.

* * *

Гасдрубал постарался. Пир в Новом Карфагене в честь Ганнибала устроен на славу. Гасдрубал и его приближенные произносят одну хвалебную речь за другой. Можно подумать, что они любят сына Барки больше собственных детей. Они пытаются поразить не только льстивостью своих речей, но и богатством обстановки. Даже путь во дворец Красавчика был выбран таким образом, чтобы очаровать прибывших. Город представляет собой потрясающее сочетание Африки и Испании. По приказу властей свезены лучшие растения Ливии, могучие пальмы Карфагена, все дары испанской земли – Красавчик не жалел на это серебра. Очевидно, он пытается перебить то впечатление, которое оказал вход Ганнибала, явно демонстрирует то, что он здесь хозяин.

– Смешно, – обмолвился Карталон. – Нас так долго вводили в этот дворец, лишь бы показать великолепие города. Конечно, он интересно спроектирован – кварталы знати выходят как к морю, так и к суше. Это сделано для того, чтобы любой, кто прибывает в Новый Карфаген, каким бы путем он ни воспользовался, видел его во всем великолепии. Но готов поставить все деньги, что кварталы черни так же ужасны, как и любом городе что на Западе, что на Востоке.

Настроение Адгербала взметнулось ввысь. Да, друг, как всегда, зрит в корень. И понимает, что можно использовать в борьбе. Но пока нужно слушать славословие Красавчика. Тот размахивает руками, намеренно демонстрируя золотой перстень с печаткой Карфагена. Тем сам он лишний раз подчеркивает собственную власть. Выступить против него прямо сейчас невозможно, но хорошо уже то, что он ясно дает понять – Ганнибал для него конкурент, и уступить он не намерен.

Гасдрубал объявляет: сын Гамилькара станет его правой рукой и возглавит конницу. Да, сильный ход – попытка поссорить с Махарбалом, который таким образом отстранен от любимых всадников. Но здесь Красавчик опоздал – ветеран узрел своего кумира в молодом облике. Махарбал, традиционно плохо скрывающий свои чувства, вполне доволен. Он аплодирует Баркидам и провозглашает очередной тост. Ненависть к Риму не сходит с уст присутствующих. Это и к лучшему – Красавчик не может противостоять желаниям армейской верхушки. А та заинтересована в трофеях. И поддержит Ганнибала, когда для этого придет время...

* * *

Квинт Фабий Максим был недоволен собой. И дело заключалось вовсе не в том, что он накричал на жену, которая, в общем-то, и не провинилась перед главой семейства и даже не ворчала, как с ней иногда бывало. И даже не в том, что он обрушился с бранью на сына. Конечно, сын частенько расстраивал дважды консула Римской республики – он хоть и соответствовал римским добродетелям, тем самым укрепляя авторитет отца и его идей в обществе, но ему недоставало той остроты ума, той обстоятельности и уверенности, которые отличали отца и позволили ему стать одним из лидеров Сената. Да и Дит с ним, с Сенатом. Юпитер свидетель, пустопорожние речитативы, зачитываемые по памяти в этом уже давно не отличающемся мудростью учреждении, не доставляли Фабию никакого удовольствия. Разумеется, признаваться открыто в этом нельзя – политические противники, да и ситуативные союзники, немедленно воспользуются подобной промашкой. Но уж свое мнение он в любом случае имеет право составить. Сыну не хватало качеств отца. Жаль. С точки зрения староримской морали Квинт прекрасный сын. Но мораль, основанная на домыслах и упрощенных трактовках истории – это одно, а реальная жизнь – совсем другое. Фабий не сердился на сына за то, что тот

не сможет принять из его рук руководство партией, становлению и укреплению которой патриций посвятил всю свою сознательную жизнь. К сожалению, вообще маловато достойных юношей, которым можно было бы передать знамя политической борьбы и доживать отпущенные богами годы в спокойствии, освободив свой ум от ежедневных дрязг. А ведь враги не дремлют. И внешние, тот же Карфаген, и внутренние, которые гораздо опаснее.

Нет, ни жена, ни сын не сделали ничего такого, за что следовало бы их корить. Корить нужно только себя. Всю свою жизнь Фабий воспитывал в себе невозмутимость, тщательно тренировал спокойствие. В детстве сверстники прозвали его Овечкой. Да... Знали бы они, какую власть он приобретет. Впрочем, нет, нельзя думать об этом в подобном ключе. Боги завистливы. Если возгордишься властью, они отомстят и низвергнут с политического Олимпа. Кто-то даже сравнивал спокойствие молодого Квинта со спокойствием овцы, которую забивают на бойне. Но овце надо зажать ноздри и надавить на шею – только тогда она не будет биться, а со стороны будет создаваться впечатление рабской покорности судьбе. Так и Фабий – он сознательно смирял свою душу, пылкую, как и у всех юношей, чтобы успевать осмыслить происходящее вокруг. Нельзя допускать резких высказываний, резких действий. Подобное может повредить, а упущенное уже не наверстать. Его спокойствие и выдержку оценили уже позже. Многие товарищи детских игр уже ушли в царство Плутона и дали Миносу, Радаманту и Эаку последний ответ. А он все еще здесь. И надо отдать должное – нынешние его противники очень достойные. Это-то и пугает.

Сегодня вечером предстоит встреча со Сципионами. Не официальные мероприятия Сената, а частная встреча в узком кругу. Именно она вкупе с вестями из Карфагена и той напряженностью, которая воцарилась в римской политике, и вывела из себя Фабия, вот и кричит он на домашних. Хорошо хоть, не приказал сечь рабов за очередную испорченную муку – сразу бы пошел слух о его избыточной жестокости. А вот жена напугана, сын опечален. Они привыкли к его мягкости, к снисходительности по отношению к домашним. А тут крик, брань. Как плебей какой-то. Надо взять себя в руки. Иначе вечером не удастся вести свою линию со Сципионами. А они не простят промашек.

В результате Фабий расположился в рабочем кабинете, выгнал из прилегающих комнат всю прислугу и поставил на страже верного Аякса. Пусть находится не у самого кабинета, а у ближайших помещений. Если Фабий не сдержит эмоций, не стоит домашним больше этого слышать. А для лучшей работы патриций распорядился принести ему немного вина и холодного мяса. Еда и питье подкрепили его силы. В глубине души даже мелькнула жалость к Юнии – она все эти годы терпеливо сносила его молчаливость, нежелание делиться мыслями относительно будущего. А теперь он на нее накричал. Она же не виновата в том, что Сципионы – Дисово отродье – опять заняли мысли Фабия. Но жалость ненадолго задержалась в мыслях патриция. Вечерний разговор у врагов – вот о чем надо думать.

О да, Сципионы. Сколько Квинт Фабий себя помнил, представители этого семейства проявляли неутолимую тягу к власти. И ладно бы просто тягу. Нет, они стремились вырвать все, забрать себе все институты Римской республики. А там, Геркулес, дай сил этому противостоять, они захотят и царской власти? Вопреки собственным речам, произносимым в Сенате, Фабий не считал, что царская власть являла собой абсолютное зло. Конечно, скажи это плебейам, и они будут кричать, пока тебя не сбросят с Тарпейской скалы. Но ведь и Нума Помпилий, и Тулл Гостилий, и Анк Марций создавали наш народ. Большая часть наших законов исходит еще от царей. Да, Тарквиний Гордый едва не поставил Рим на край гибели, но это могут сделать и республиканские деятели – собственно, Сципионы и есть тому пример. Они не видят границ своей алчности, потворствуют многим измененным инстинктам толпы. А это может привести Республику к гибели.

Если подумать здраво и отвлечься от застарелой вражды, то жадность всего семейства Корнелиев легко объяснима. Род их небогат. Занятие государственных должностей сопряжено

с солидными издержками. Вот и стремятся они к обогащению. Настоящий круговорот. Наличие власти толкает их к обогащению. А стремясь к обогащению, они пытаются забрать все больше власти. И абсолютно неразборчивы в средствах. Только прагматичность их союзников Эмилиев удерживает Сципионов от сближения с откровенным сбродом. Тем не менее Публий Корнелий Сципион, который и примет сегодня Фабия, определил двух низкорожденных плебеев в друзья своему сыну. Его брат Гней, получивший за раннюю лысину прозвище Кальв, вместе с Марцеллом не позволяет заключить мир с уже разбитыми галльскими племенами бойев и инсумбров, проживающими на обширных просторах Цизальпинской Галлии. Рассчитывает в свой консулат в будущем году одержать победу и награбить добра. Ну тут только если рабами – других ценностей с галлов не взять. Земля в Италии поделена. Многое осталось за союзниками – этих надо противопоставлять друг другу. Еще неизвестно, не понадобится ли их помощь в борьбе с Карфагеном. Вот и стремятся Сципионы к расширению колоний, к разделу земель в Галльском поле, к торговле. Греческий пес Клеон на их службе откровенно спелся с бандами Авентина, пытается поставить под контроль семейки хлебные ворота Рима – Остию. Все это ведет нас к гибели.

Конечно, Сципионы не видят реальных опасностей. Они рвутся к богатству и власти. Но кто стоит на их пути? Карфаген. Карфаген, который не получилось уничтожить в предыдущую войну. И теперь он сильнее, чем прежде. Да, он слабее нас, и Рим должен победить в новой войне. Но эта схватка будет куда как тяжелее. Мы пройдем по лезвию меча прежде, чем победим. И растеряем свои преимущества. Сейчас наша сила, как бы пафосно все это ни звучало, в единстве – в восхвалении единства Фабий несколько не отступал от истины. Наши законы и общественные институты позволяют уподобить Республику монолитному камню. Но что произойдет, если схватиться с пунийцами? Эта борьба выпьет все соки из нас. Придется мобилизовать всех, возможно, и часть вольноотпущенников. И что? Земля придет в упадок. И лет через пять люди вернуться к пустырям. Что им останется делать? Расцветет клиента. Сципионы, награбив на войне, наберут клиентов. Им уподобятся и Клавдии – Марцелл спит и видит, как он станет заметным деятелем и не будет вынужден терпеливо поддерживать Фабиев. А дальше? Институты, не поддерживаемые трудолюбивыми и зажиточными крестьянами, рухнут. В борьбе за власть разные группы аристократов перейдут от подкупа к сражениям частных армий. И что дальше – диктатура? Царство Сципионов? Может быть, и их, а возможно, что и нет. К власти могут прийти совершеннейшие маргиналы. Они до бесконечности будут кричать в Сенате, но ничего не станут делать. И Республика уподобится Карфагену. Вот так мы победим пунийцев и сами станем ими. А потом на нас найдется новый Рим... Нет, нельзя этого допустить.

А ведь есть вариант развития событий и гораздо хуже. На фоне гражданской неразберихи, сражений банд к власти придет какой-нибудь подлый демагог, подобный Фламинию, который увлечет за собой плебеев. Он выплеснет накопленную поколениями ненависть на патрициев, на аристократов. И не поймет, когда пройдет точку невозврата. Следом за патрициями пойдут всадники. И в конце концов гибель Республики. Так Сципионы, борясь за власть, похоронят и собственный дом под обломками римского величия. Вот так ценой амбиций Сципиона станет гибель и собственного рода, и всей Республики. Но понимает ли это глава их партии Публий Корнелий, который, оставаясь формально в тени старшего брата, ловко дергает за ниточки, или жажда наживы затмила ему взор?

Вот и толкают Сципионы к скорейшей войне с Карфагеном. А надо ждать. Борьба у наследников Элиссы не утихает. Пусть Геркулес, которого они на своем варварском наречии называют Мелькартом, поможет всем участвующим в ней сторонам. Ганнон совершенно обезумел. Он считает, что смирением выгадает себе сохранение богатств и величия. Полезно поддерживать в нем эти надежды. Гасдрубал Красавчик считает, что воевать не стоит – он и в Испании решал все дипломатией. А вот звереныш Гамилькара беспокоит. Шпионы доносят, что

мальчишка крайне талантлив во всем, за что берется. Такой враг может заставить Республику перенапрячься в борьбе с ним. В такой схватке может не оказаться победителей, пусть наш крах и будет несколько отложен. Да и ближайшие его друзья опасны. С одним из них Фабий даже встречался. Тайно, чтобы не возбуждать подозрений, но тем не менее. Мальчишка прозорлив и нагл. Опыта ему не хватает, но врожденного благоразумия более чем. Фабий помнил его отца, с которым пришлось схватиться на Сицилии. Старик был сметлив и наверняка передал многое сыну. Тут римлянин тяжело вздохнул, вспомнив, что его собственному сыну удалось передать далеко не все. Этот Карталон тоже может быть заинтересован в войне – семья небогата и похожа на Сципионов. Со вторым дружкой Ганнибала встречаться патриций не стал. Но тут долго думать не надо. Тоже неглуп, если верить донесениям, да еще и из торговой семьи. Такие будут воевать насмерть. Они также бьются за барыши, за монополию. Мальчишки опасны. Они без промедления развяжут войну, и боги могут даже одарить их удачей, ведь Фортуна благоволит храбрым.

Решено, необходимо поставить Сципиона перед перспективой гибели всей его семьи. И надо уговорить убрать Ганнибала. Это даст передышку на подготовку к войне, которая все равно неизбежна – Фабий не обманывал себя пустыми мечтами. Но в устранении Баркида нужен консенсус в Риме, ведь тогда получится подтолкнуть к действиям своих ситуативных союзников на противной стороне. Наверняка Гасдрубал и Ганнон не в восторге от львенка, как называл его Гамилькар. Рим должен остаться в стороне. Это позволит обострить борьбу в Карфагене и ослабить его. И это именно то, что нужно нам.

Конечно, отрицать необходимость торгового развития и создания колоний будет только последний идиот. Фабий прекрасно понимает, что нельзя консервировать институты – они должны быть исходной точкой развития. Рим больше не отдельный город, а огромное государство. И не всегда при управлении этим государством применимы законы, данные предками. Но и слишком быстро двигаться вперед нельзя. Если нагруженную повозку пустить под гору, она будет ехать быстро, но потом развалится. А здесь речь идет не о повозке, а о Республике. И о власти Фабиев в ней. Власти, которая поколеблена. Эмилии и Корнелии подпирают так, что пришлось группироваться с Клавдиями. Вот и нужен мир для подготовки к войне. Нужно время.

Все, хватит раздумывать, именно так и будем вести себя сегодня со Сципионами.

* * *

Вечерний Рим встретил Фабия относительной прохладой. Возможно, что просто сказались обретенное им наконец спокойствие. Нет, точно надо каждый день размышлять в одиночестве. Это помогает привести в порядок мысли, успокоиться и собраться. Теперь важно грамотно провести разговор у Сципионов. Встреча планируется в узком составе, поэтому рядом с Фабием его сын, а также ситуативный союзник Марк Клавдий Марцелл, в задачу которого входит в следующем году окончательно разбить галлов на севере. Ни в коем случае нельзя отдавать лавры победителя Фламинию, ведь тогда плебеи совсем выйдут из-под контроля. Одно дело – члены славных, пусть и плебейских, фамилий, предки которых внесли свой вклад в дело становления Республики. И совсем другое – чернь, желающая только бесплатных раздач хлеба и зрелищ за счет магистратов. В канун войны с Карфагеном это особенно тревожно, ведь из подобной толпы армию не сделать.

Но и аристократу, если он бьется за власть, необходимо нравиться плебеям. Клиенты уже получили задание – сегодняшним вечером они распустят слухи о заступнике народа Квинте Фабии, который с сыном и другом шествует прямо в толпе. Охрану пришлось пустить чужд дальше, чтобы не создавать ощущения того, будто сенатор стремится выделиться из граждан

или даже побаивается их. Нет, он с ними, все его мысли только о народе. А завтра об этом нужно уже не говорить, а кричать.

Вот и дом Сципионов. Весьма скромн, что Фабий отмечает при каждом визите. Вход практически не украшен, у ворот немногочисленные рабы. Эта скромность и бедность Сципионов толкает их поганую семейку к власти и торговому обогащению. Не могли воевать нормально, захватывать и возделывать земли. Даже позорное поражение при Липарских островах потерпел один из них. Теперь хотят отыграться торговлей. Гостей встречают жена лидера партии Помпония и его подручный Клеон. Греческий проныра особенно вежлив сегодня – значит, Сципионы что-то задумали. Сам Публий Корнелий встречает Фабию и Марцелла в гостиной дома, давая понять, что именно он хозяин на этой встрече. Рядом с ним консул будущего года и коллега Марцелла Гней Корнелий, лысина которого почему-то особенно бросается сегодняшним вечером в глаза. Также компанию хозяевам составляет Луций Эмилий Павел. Ну что же, основные лица в сборе.

– Как это таинственно и захватывающе. Как будто Агамемнон и Менелай планируют Троюанскую войну, – Помпония пытается разрядить напряженную обстановку.

Ее слова как будто сбросили оцепенение со всех присутствующих. Хозяин дома вспомнил о приличиях.

– Приветствую вас, друзья, в стенах моего дома. Располагайтесь, почувствуйте себя свободно.

– Прежде всего хочу воздать хвалу Пенатам, оберегающим твой дом, – Фабий также стремился проявить традиционную учтивость. Пусть ни у кого не будет повода обвинить его в том, что он отошел от добродетелей, за которые постоянно агитирует окружающих. Ну а то, что он на самом деле желает этому дому захиреть и быть проклятым богами подземного мира, озвучивать совершенно необязательно.

Помпония и Клеон вышли. Тоже понятно – разговор слишком деликатный, нельзя допустить, чтобы его подслушали, а потом разнесли по всему Риму болтуны-рабы. Поэтому следят за конфиденциальностью самые близкие люди. Впрочем, Фабий не питал иллюзий, что хитрая баба окажется не в курсе того, о чем будет говориться. Ну да ладно. Понятно, что она интригует, но интриги ее имеют целью преуспевание семьи. В таком случае, если сам Фабий не допустит ошибки, то делать достоянием гласности его слова бессмысленно – они навредят самим Сципионам гораздо больше.

– Ну что же, Фабий, ты заготовил свою речь, в которой будешь упрекать нас в желании развязать бессмысленную и ненужную Республике войну? – Сципион начинает с очевидного сарказма. Умен, ведь его цель вывести собеседника из равновесия, вдруг тот ошибется.

– Конечно, заготовил, но сегодня я уберегу всех присутствующих от ее заслушивания. Сделать над собой подобное усилие вам придется во время пустопорожних прений в Сенате, где я ее и произнесу, – Фабий решил ответить Сципиону достойно и с тем же сарказмом.

– Тогда каков посыл твоего визита в мой дом?

– Все мы знаем, что новая война с пунийцами неизбежна. Лутациев мир фактически лишь зафиксировал сложившееся положение вещей. Потом мы воспользовались слабостью наших врагов и отобрали острова. Но Карфаген остался великой державой. Мы схватимся с ним не только за западные земли Внутреннего моря, но и за восточные, которые давно забыли о доблести Александра, погрязнув в войнах диадохом.

– Тогда о чем мы спорим? Мы должны соблюдать единство, придаться к какому-либо поводу и объявить пунийцам войну. И уж тем более не тратить столь приятное вечернее время на подобные разговоры, – Сципион проявил признаки нетерпения.

«А ведь он нервничает, – пришедшая мысль наполнила Фабию самодовольством. – И сильно. Значит, не уверен в поддержке Сената. На это и надо давить».

– Я даже добавлю: мы сильнее Карфагена. Его общество гораздо более разобщено, народ явно отстранен от влияния на судьбу государства. Ливийцы и иберы их ненавидят. Мы тоже не пользуемся любовью союзников, но взаимные противоречия между ними сильнее ненависти к нам. И мы становимся сильнее, так что мы должны использовать время. Оно станет нашей главной опорой в будущем противостоянии.

– Почему же тогда ты выступаешь против нас?

– Потому что, схватившись сейчас, мы уподобимся пунийцам. Сколько людей придется мобилизовать в армию? И сколько продлится война? А потом они вернутся к заброшенной земле. И они начнут применять на практике свои умения – убивать и грабить. В лучшем случае станут клиентелой. Мы получим десятки, а то и сотни тысяч бездельников, которых придется кормить, в то время как вся работа будет выполняться руками завезенных рабов.

– Это закон жизни, Фабий. Этим путем пошли блистательные Афины, о которых тебе многое может рассказать Клеон, так развивается Карфаген. Должны пойти по этому пути и мы. Извини, но ты со своими консервативными взглядами на Рим как на сообщество крестьян остаешься на обочине истории. Мы давно переросли город-государство.

Да, он опирает на развитие, на новые веяния. Сам рассчитывает возглавить армию клиентов. Как же оппонент предсказуем.

– Не допускаешь ли ты, Сципион, что воспользуешься этой плебейской массой не ты или твой сын, а какой-нибудь демагог вроде Алкивиада? Тот же Фламиний, например. Как бы тебе не похоронить свой дом под развалинами институтов нашей Республики.

Сципионы ненавидят демагогов. И тут они допустили ошибку, пригласив на встречу Эмилия Павла, который ненавидит плебеев вообще. Не так давно он публично оскорбил Гая Лелия, назвав его низкорожденным. А Лелий – ближайший друг младшего Сципиона. Надо всеми силами провоцировать разлад в их группировке. Так можно добиться их ослабления и отстранить от власти. Тем самым удастся спасти Республику, каким бы пафосным ни казалось подобное утверждение. Ну и самим удержать власть, особенно с учетом того, что приходящая нам на смену молодежь не проявляет той хватки, которая от нее требуется.

– Ты, Фабий, опираешь на иллюзорные страхи. Власть Фламиния в Риме подобна Химере – она не может существовать в реальности. За ним не стоят влиятельные семьи, у него нет стабильных источников доходов. Ну и, в конце концов, он пренебрегает вековыми устоями и религиозными традициями, о которых ты сам так печешься. Он не найдет поддержки – у него просто не хватит денег на подкуп жрецов, которые настроены резко против него.

А Эмилий молчит. Видимо, готовясь к сегодняшней встрече, Сципионы проговорили с ним, что целью Фабия станет стремление разобщить их, основываясь на отношении к плебейским семьям. А Сципион продолжает и переходит в наступление.

– Ты ведь не станешь отрицать того, что доблестные плебеи могут войти в руководство армии и Республики. Присутствующий здесь Марцелл и его предки доказали собственной храбростью и преданностью свое право влиять на судьбу отечества. Почему бы и Фламинию, если он продолжит доказывать свою доблесть, не войти в число тех, кто может принимать решения?

Ну конечно, Сципион рассчитывает, что именно он будет диктовать Фламинию те решения, которые тот станет вносить от своего имени. Как будто Фабий не понимает подобной игры.

– Тут ты, Сципион, просчитался. Фламиний не желает служить Республике, он желает, чтобы Республика служила ему. И если он победит Ганнибала, то окажется не столь далек от исполнения своего желания, как может показаться сейчас. Сегодня Фламиния и ему подобных сдерживают законы нашей Республики и ее учреждения. Но война с таким противником, как Карфаген, станет для самих основ государства сильнейшим потрясением. И у демагогов появится шанс.

– Хорошо, и что же ты предлагаешь?

– Нам надо войти в контакт с Гасдрубалом и дать ему понять, что мы не будем против устранения Ганнибала. Если партия Баркидов лишится своего живого знамени, мы получим столь необходимое нам время для подготовки. К тому же Гасдрубал не заинтересован в войне. У него не столь прочное положение в Карфагене. А лет через десять-пятнадцать в войне уже не будет смысла. Если не будет львенка, то и его свиту разметают, а там очень опасные звереныши. Ты должен это знать, ведь твой греческий проныра встречался с одним из них.

– Да, он опасен. И будет крайне интересно посмотреть, что этот Карталон сможет продемонстрировать на войне, а не только в интригах мирного времени. Мы против устранения Ганнибала, поскольку считаем недостойным римских сенаторов продвигать подобную низость. Боги не простят нам этого.

Последние слова Сципион произнес с усмешкой, и Фабий понял, что сегодня ему не победить. Сципион играет на тех же староримских добродетелях, как и сам Фабий. То есть нельзя убивать врага тайно. Пусть он проявит себя открытым противником, нарушит договоры, а дальше уже пощады ему ждать не придется. Оружие выбито из рук. А Сципион, увидев свое преимущество в споре, продолжил:

– Предлагаю поклясться черным камнем Юпитера в том, что мы будем верны римским законам и не опустимся до предательства. Пусть гнев богов падет на карфагенян.

Да, сегодня переиграть не удалось. И вот тут уже достаточно ушей, чтобы обвинить Фабия в неуважении к богам, в двуличности и лицемерии его политической позиции, если он откажется принести клятву. Фабий и его спутники вынужденно произнесли священные и нерушимые слова. Максим почувствовал, как будто тяжкие оковы легли на его плечи. Ноги подкашивались, когда он покидал дом Сципионов. Сегодня он все-таки проиграл. Одна радость – его спутники не произнесли за вечер ни слова, ограничившись лишь ритуальными приветствиями и клятвой по итогам. А значит, Сципионы не получили информации о потенциальных разладах в его партии.

* * *

Отойдя от ненавистного дома, Фабий постарался успокоиться. Нельзя давать Марцеллу повод думать, что он потерял хватку. Фабий любил римский воздух, пусть он местами и стал затхлым от того скопища людей, которые заселили город. Но это его город, и без боя он его никому не отдаст.

– Прости меня, Фабий, за вопрос, но и не задать я его не могу, – Марцелл, как всегда, пытается облечь свои речи в благочестивую форму, но получается у него откровенно плохо – плебейское происхождение дает о себе знать. – Но почему ты так боишься Ганнибала? Неужели ты думаешь, что мы не справимся с мальчишкой?

Раздражение Фабия едва не прорвалось наружу. Тупой солдафон. Ему бы лишь мечом размахивать. Добьет в следующем году галлов и окончательно возгордится. И в этом дополнительная опасность – нельзя терять поддержку Клавдиев. Придется терпеливо разьяснять.

– Мы не знаем, сколько продлится война. Скольких людей мы предадим огню, сколько семей потеряют кормильцев. В этом опасность, а не в непосредственных сражениях с пунийцами. Но и Ганнибал умен – он же сын Гамилькара. Прежде чем мы схватимся с ним, он уже получит опыт в боях с иберами. А они не слабее галлов.

Вот так, надо дать понять Марцеллу, что, с одной стороны, он, Фабий, в нем не сомневается и верит в победу над карфагенянами, кто бы тех ни возглавлял, с другой, что и опытом будущее римское войско не превосходит противника, если не уступает ему. Задумался Марцелл, молчит, это уже хорошо.

Некоторое время шли в молчании, завернувшись в свои плащи. Мрачные мысли обуревали главу партии. Наконец он решил и нарушил молчание:

– Мы сегодня принесли клятву, и страшные кары богов падут на того, кто ее нарушит. Но я возьму на себя этот грех. Пусть Юпитер гневается на меня. Но я сделаю то, что должен. Завтра я буду готовить речь в Сенате против Сципионов, поэтому вынужден поручить тебе, сын мой, важнейшую задачу. Ты должен подготовить письмо Гасдрубалу в Новый Карфаген. Напиши его так, чтобы даже если враги смогут его расшифровать, смысл звучал невинно. Завтра утром я хочу с ним ознакомиться.

Нет, положительно, у сына есть немало достоинств. Он молча кивнул. Значит, сделает все так, как надо. И не надо думать, что глава семьи – единственный римский патриций, кто когда-либо нарушил клятву, данную перед лицом Юпитера-громовержца. Будь Сципион на моем месте, он поступил бы так же, не задумываясь.

На следующее утро, Фабий, прочитав заготовку сына, остался исключительно доволен. Нет, все-таки он многое смог передать Квинту. Письмо получилось лаконичное и весьма недвусмысленное – если знать, о чем говорить. И обвинить в призывах к убийствам не получится.

Мой давний и уважаемый сосед!

Пишу тебе, потому что знаю о том, что в твоей стране всегда внимательно относились к снам и умели их толковать. Множество умельцев в этом ремесле находится и вокруг тебя. Не так давно я видел странный сон и с того времени совершенно потерял покой. Надеюсь, ты сможешь рассеять мою тревогу и подсказать, что он не несет мне ничего дурного.

Во сне я видел льва. Причем он был львенком, который в мгновение ока превратился во взрослого зверя. Зверь этот алкал крови и даже накидывался на своих сородичей. Никто не мог укрыться от него. Расправившись же с другими зверями, он заметил меня и набросился. В этот момент я проснулся в холодном поту, а теперь не могу выкинуть страшное зрелище из своей головы.

Прошу тебя успокоить меня. Собери лучших толкователей снов, и пусть они дадут свое видение. Пользуясь случаем, хочу также узнать об обычаях твоей страны, о котором я случайно услышал: правда ли, что ваши пастухи отпугивают львов от своих земель, прибывая крупных зверей к крестам, как беглых рабов?

Свадьба

В Новый Карфаген пришел праздник. Город, и всегда выглядевший нарядно, особенно на фоне окружающего иберийского захолустья, сейчас волшебным образом преобразился. Празднуют везде. Чернь ликует, ведь ей выставили столы с бесплатным угощением. На кораблях уже перепились до такого состояния, что римские лазутчики или их сагунтинские агенты могли бы запросто сжечь весь пунийский флот, пришвартованный в Испании. Пришлось даже заранее

вывести несколько кораблей в море и выставить специальным оцеплением – они должны следить за тем, чтобы даже малозаметная шлюпка не проскользнула в гавань. Рыбакам приказано пришвартовывать свои жалкие суденышки в близлежащих портах. По всему городу дают представления мимы. Стража у городских ворот уже настолько навеселе, что все, кто прибывают в город, должны будут ждать, пока она не протрезвеет и не отопрет вверенные им входы в местную столицу. Везде безудержное веселье. Глядя на окружающее столпотворение, Карталону подумалось, что даже если удастся одержать победу над Римом, то ликование народа будет меньше. Знали бы люди, что они на самом деле отмечают, ведь сейчас делается еще один шаг к новой войне с римлянами. Сегодня она становится существенно ближе.

Дворец Гасдрубала гудит. В нем проходит основная часть торжеств в честь свадьбы молодого Ганнибала с одной из прекраснейших дочерей Испании – Имилькой. Но сегодняшняя свадьба непростая – кроме старшего сына Гамилькара связывают себя семейными узами его брат и друзья. Женится средний из Баркидов Гасдрубал. Младший брат Магон еще молод, поэтому радуется в качестве гостя. Берут в жены испанских девушек Карталон и Адгербал. Все происходящее напоминает торжество, устроенное далеко на Востоке, на берегах Евфрата, Александром и его македонскими полководцами. В то время все они также взяли себе жен из покоренных народов, символизируя поворотный в мировой истории шаг – равенство всех свободных людей в основанной сыном Филиппа империи. Эта империя ненадолго пережила своего создателя и развалилась на разрозненные государства диадохов, немедленно вступивших в бесконечные войны между собой. Возможно, что карфагенской державе повезет больше. Ликуют иберийские вожди. Теперь они стали частью карфагенской элиты. Их потомки будут заседать в Совете Республики. Мог ли кто-то из них подумать о таком еще лет пятнадцать назад? А теперь они сидят на почетных местах в городе, прекраснее которого в своей жизни они не видели. Что на этом фоне стоят жизни их людей, которые отправятся на войну с Римом, к чему уже неоднократно призывал Ганнибал. Пусть он сделает наследника и отправляется на свою войну. А сами иберы плодятся как кролики. Их все равно не прокормить той бедной землей, которую оставляют им пуны. Но сыновья Ганнибала, Гасдрубала, Карталона, Адгербала будут и карфагенянами. Их не выгонят с лучших земель. Им положена доля в торговых прибылях и в военной добыче. Вот она – цена дочерей.

Карталон мог быть доволен собой. Ганнибал дал очень просто звучащее задание, но выполнить его было гораздо сложнее. Казалось бы: «Найди нам жен». Но нельзя спрашивать у Баркида, каких жен он видит. Ведь тогда уже у господина возникнут вопросы, тех ли помощников он подобрал себе. Почему они создают проблемы вместо того, чтобы решать их? Поэтому поставленная задача повергла Карталона в напряженные раздумья.

Какую жену для себя видит Ганнибал? И, что немаловажно, какая жена не заставит Красавчика нанести смертельный упреждающий удар? Со вторым вопросом ответ более или менее ясен – Гасдрубал уже пытался убрать конкурента в борьбе за власть, поэтому его выпадов надо опасаться, но исключить их уже нельзя. Значит, надо сосредоточиться на желаниях Ганнибала. Конечно же, он хочет скрепить свои связи с Испании. Просто дружеские связи не значат ничего – судьба его отца, преданного вроде бы союзными орисссами, служит тому примером. Получается, что жена должна быть достаточно знатного рода. Но она и ее родичи не должны предать карфагенян и род Барки. По крайней мере, сразу же. И искать ее нужно в городах, издревле дружественных пунийцам. Лучшим выбором был Кастулон, туда и направил свои поиски Карталон. Там на выжженных холмах и засушливом нагорье, ведя долгие переговоры с местными вождями, он подбирал жену, которая могла бы удовлетворить Ганнибала. Она должна была быть достаточно знатной, чтобы приблизить к Баркидам местных элитариев. Но и не слишком умной, чтобы Ганнибал, насмехающийся над подозрительностью Карталона, но не уступающий ему в этом, не заподозрил, что человек, который станет ему столь близок, может шпионить за ним. Конечно, красива. Иначе Карталон услышит в свой адрес заслужен-

ные упреки. Ну и самое сложное – как подтвердить, что она может родить детей? Именно дети скрепят союз Баркидов с Испанией настолько, насколько это вообще возможно. Долго шел поиск. Пришлось торговаться с варварами за выкуп местной невесты, за преференции, которые они получают. И уже вождь проявлял нетерпение затянувшимся ожиданием. Ведь нельзя выступать против Красавчика, пока не создана кровная связь с Испанией.

И наконец жена нашлась. Ударили по рукам с ее семьей, обе стороны дали все необходимые обещания. Потом, после победы, подари ее Танит, все можно будет пересмотреть, а пока надежный тыл создан. Заодно воины из Кастуллона помогут быстро заменить управляющих на серебряных рудниках на верных Ганнибалу людей. Нельзя допустить, чтобы хоть что-либо уплыло из казны Баркидов. В будущей войне понадобятся все ресурсы. А из Карфагена денег не дожидаться. Особенно если в войне возникнут сложности. А с таким противником, как Рим, без сложностей не обойтись. В этом случае Ганнон и его прихвостни могут заблокировать действия Гасдрубала, как бы ни выпячивал влияние своего отца Адгербал. Испания – наша кладовая, она должна остаться ею при любом раскладе. Сама же будущая жена Ганнибала Имилька очень красива и непроходимо глупа. Идеальное сочетание для наших целей. Ее красота привлекает к Ганнибалу новых сторонников. Зависть к обладанию красивой женщиной разнится с той завистью, которую испытываешь к власти или положению в обществе. Любовь красивой женщины сродни удаче. Ну а люди любят тех, кому сопутствует удача. Родня Имильки проинструктирована о том, что девушка должна максимально демонстрировать любовь к Ганнибалу – даже подозрение в обратном не может возникнуть. Инструкции были сопровождены увесистым подарком. А в противном случае... Ну что же, гнев карфагенских аристократов подобен буре.

С Адгербалом проще. Он настолько почитает Ганнибала, что окажется счастлив, если сможет породниться с ним. Поэтому и жена ему подобрана из числа родственников Имильки. Даже имя у нее похоже – Ипулька. Он должен быть счастлив. Теперь он родственник Баркидам. Но как же смешны имена этих варваров. Впрочем, тут, скорее всего, сказывается восприятие. Имена другой страны всегда непонятны и смешны для уха, привыкшего к родной речи. Красоту и звучность этим именам придает слава страны, которая за ними. Имена римлян уже давно не смешны никому. Кому-то они внушают страх, кому-то надежду, кому-то ненависть, но абсолютно всем уважение. Такие же эмоции вызывают и имена карфагенян. Но если мы проиграем, то и над нами посмеются потомки... Потомки победителей, конечно, ведь будущая война будет столь жестока, что для проигравших она закончится гибелью или безысходным рабством, что еще хуже.

А вот с женой для самого Карталона оказалось сложнее. Разумеется, не было никаких проблем найти кого-либо из Кастуллона, из тех же родственниц Имильки, раз уж он счел ее достойной выйти замуж за Ганнибала. Но что-то сдерживало сына Гисгона. Если выбирать из Кастуллона, то нельзя отдать предпочтение кому-то, кто более знатен даже по местным варварским меркам. Ганнибал может счесть это неуважением. А даже если он поначалу не обратит на это внимания, то не замедлят влить ему яд в уши Ганнибал Мономах и Магон Самнит. Проклятие. Карталон с горечью наблюдал за тем, что Баркид нередко прислушивается к их мнению. А ведь они росли при Красавчике. Наверняка его агенты. И они могут оттереть его от вождя. И что тогда он скажет отцу, когда встретится с ним снова в Шеоле? Что он не выполнил его наставления, что их род больше не принадлежит к тем, кто принимает решения? Этого нельзя допустить. Но и если жениться на менее знатной родственнице Имильки, то что это будет значить? Гисгон всегда держал себя относительно независимо. Здесь же окажется, что он, Карталон, признал абсолютное первенство Ганнибала и его семьи. И наставления отца в этом случае также будут нарушены. И Карталон углубился в дальнейшие поиски.

В конце концов ему улыбнулась удача. Влиятельный вождь кельтиберов Индебил искал дружбы карфагенян. И брак с его дочерью показался Карталону хорошим решением. За Инде-

биллом много воинов, он пользуется большим уважением среди многочисленных племен до самой Лузитании. Презрев все обычаи, Карталон затребовал для знакомства потенциальную жену и остался доволен. Весьма красива, достаточно умна. Такая если и предаст, то лишь за хорошую цену. Чего еще ему желать. И вот Рохана сидит рядом с ним на свадьбе.

И вроде бы Карталон может быть доволен собой. Ганнибалу понравилась невеста, понравились ее родственники и перспективы закрепления своего влияния в Испании. Адгербал в восторге от того, что породнится с Баркидами. Даже Гасдрубалу, вызванному из Карфагена, нашли подходящую жену. А что-то невесело.

Свадьба между тем идет своим чередом. Чтобы сблизиться с местными, она ведется в дикой смеси карфагенских и иберийских обычаев. Женщины не держатся особняком, они здесь же. Все видят пьяные выходки захмелевших иберийских вождей, но никого они не шокируют. Для тех, кто родился на этой земле, все в порядке вещей. Да и большинство карфагенян давно находятся здесь и привыкли к подобным загулам. Несколько удивлен недавно прибывший из Африки Гасдрубал, но, видя спокойствие брата, и он держит себя в руках.

Красавчик произносит речи. Он настолько превозносит Ганнибала, что уже и последнему тупице невозможно поверить, будто он говорит искренне. Видимо, его злоба настолько сильна, что притупила в нем осторожность. Он восхваляет Гамилькара, весь его род и лучшего человека Карфагена Ганнибала. Но старательно обходит вниманием тему войны с Римом. Неужели пытается спровоцировать Ганнибала на резкость? Нет, это слишком примитивно. С другой стороны, нельзя недооценивать чужую злобу. В таком состоянии Красавчик вполне может и отравить собравшихся. А что, вполне возможно. Если, к примеру, уже выехали гонцы с приказом убить родственников невест, то и здесь всех отравить можно. Ведь свадьба идет в его дворце. А хмельному народу снаружи можно потом преподнести любую байку. Надо особенно внимательно следить за отведывателями блюд. Карталон специально отбирал их для торжества. Это не должны быть люди Гасдрубала, ведь тогда они могут заранее принять противоядие. Да, вроде бы пока все чувствуют себя нормально, признаков недомогания ни у кого из них нет. Надо надеяться, что Танит не оставит и снизойдет к мольбам, особенно когда он не просто молится, а предпринимает все действия, чтобы соперник не смог верно ударить.

* * *

Прошедшее с прибытия в Испанию время было весьма насыщенным. Как и распорядился Красавчик, Ганнибал вступил в командование конницей. Во главе летучих отрядов необходимо было гасить в зародыше потенциальные бунты и восстания, обеспечивать сбор дани и набор в войско там, где иберы не спешили записываться самостоятельно. Красавчик в духе всей карфагенской аристократии рассуждал, что не дело пунийцам самим служить в армии, когда есть ливийцы, иберы, балеарцы, лигуры, греки и прочие искатели приключений со всего земного круга. Ну а если искателей приключений окажется маловато, то всегда можно принудительно рекрутировать пополнение. Тем более что сам Красавчик явно ни с кем воевать не собирался. С римлянами он мирно заключил договор, да и при обеспечении контроля испанских земель стремился избегать военных методов. Разумеется, карфагенские владения ограничены с севера рекой Ибер, как и значится в договоре с римлянами. Но какой это договор. Никто в Карфагене его бы не утвердил. Гасдрубал принес берит, связавший священным обетом только его самого, но не Республику. Так было выгодно всем. Если римляне не хотят войны, а характер разговора с Фабием убедил Карталона именно в таком положении вещей, то они будут беречь Красавчика как зеницу ока. Республика может как дезавуировать клятвы своего испанского полководца, так и подтвердить – все определит политическая ситуация. Ну а если нужна будет война, то и карфагеняне, и римляне могут связать ее начало уже с самим фактом устранения Гасдрубала. Нет гаранта договора, нет и самого договора. Нервничать надо только Сагунту.

Но тут сагунтинцы сами виноваты. Их город, со всех сторон окруженный карфагенскими землями, сохранил союз с Римом. И римляне специально оговорили его безопасность в последнем соглашении. Лучше повода для начала войны не найти. Если победит Карфаген, то и вспоминать о Сагунте не стоит. Ну а если боги окажутся милостивы к Риму, то в Италии наверняка появится памятник невинным жертвам пунийского вероломства. Такие глупцы полезны во все времена.

Но пока проблем южнее Ибера хватает и без Сагунта. То, что Красавчик включал эти земли в сферу господства Республики преимущественно мирными средствами – серьезно пострадали лишь ориссы, – берегло ресурсы Карфагена, но и делало его контроль крайне непрочным. Он базировался на личных связях, на неформальных договоренностях, на сиюминутной выгоде. При этом иберийские племена сохраняли достаточно сил, чтобы в какой-то момент предпринять попытку сбросить чужеземное иго и обрести, как передавали Карталону звучавшие среди них слова, древнюю свободу. Нередко поминался Тартесс. Конечно, никто уже не помнил, что он собой представлял. Но в памяти многих иберов он уже настолько мифологизирован, что напоминает Острова блаженных из греческих сказаний. И в ненависти к карфагенянам местные жители в большинстве своем едины – пунийцы не разделяют местные племена, устанавливая свои правила и законы, если, конечно, их можно назвать таковыми. Здесь Рим ведет себя гораздо хитрее. Карталон регулярно читал донесения конфиденентов и уже составил свое мнение об Италийском союзе и поведении римлян на Сицилии. Очевидно, что крепость этого союза выше, нежели карфагенской державы. Рим противопоставляет соседние народы друг другу, предоставляя им различные права, кому-то дает римское гражданство, у кого-то, наоборот, отбирает земли под колонии. И местные жители начинают конкурировать между собой за римские подачки. Это сплачивает государство. Вот еще почему нужна эта свадьба – крепче привязать иберов даже не столько к Карфагену, сколько к династии Баркидов и к их приближенным.

Несмотря на все возникающие сложности, дышалось Карталону в Испании гораздо легче, нежели в Карфагене. И дело не в том, что ночи здесь гораздо свежее, нежели в Африке. И не в прохладных поздней осени и зиме. И не в поздно наступающей по сравнению с родиной весне. Дело в отношении к нему. Прожив почти пять лет в Карфагене без отца, он постоянно сталкивался с насмешками карфагенских вельмож. Особенно усердствовали землевладельцы, группировавшиеся вокруг Ганнона. Ведь Карталон был и их политическим противником, и нищим на фоне элиты их партии, да и слухи о происхождении давали о себе знать. Политические союзники помалкивали, но скрытое превосходство вперемешку с недоброжелательством чувствовалось. Отец Адгербала Гасдрубал, уверенной рукой державший в повиновении торговую партию, относился ровно и дружелюбно. Но Карталон понимал, что Гасдрубал ведет свою игру, его интерес в том, чтобы ближе к победе Карфагена рядом с Ганнибалом остался только его сын, только Адгербал. Возможны и другие помыслы, но для подозрений здесь маловато оснований. Скрашивало серые будни продолжение обучения, которому он отдавался без устали, общение со старшим из Баркидов и Адгербалом. Нередко они выезжали верхом за городские стены и гнали коней наперегонки вдоль моря. Ганнибал в искусстве верховой езды не уступал нумидийцам, вызывая восхищение окружающих. Адгербал был ему под стать, а вот Карталон отставал. Иногда он делал это специально, чтобы без помех найти укромное место на берегу и поразмышлять в одиночестве. Но однажды он обратил внимание на изменившийся и крайне внимательный взгляд Адгербала после такой отлучки и прекратил демонстрировать свою независимость подобным образом. А то еще подумают невесть что. Нельзя не солгать перед богами, если не вспомнить и Аришат. Ее доброе отношение к брату сохранилось. Тем более что он рядом с Ганнибалом, а ей, в отличие от старших сестер, достался не самый представительный муж. И в лучшее время он не мог претендовать на многое, а уж в канун истребительной войны с Римом и в условиях жесточайшего противостояния в Совете –

тем более. Как тут не поддерживать дружбы с братом. Тем более что именно Аришат присматривала за родовым домом, где сам Карталон ощущал себя скорее гостем. Они с сестрой немало беседовали о прошлом, настоящем и даже о вариантах будущего, но о том, что его тревожило, юноша старался хранить молчание.

Здесь, в Испании, все изменилось. Он – один из знатнейших карфагенян, господин для всех местных варваров. Он возглавляет конные отряды, и в его власти казнить или милловать, удовлетвориться объяснениями о негодном урожае или подвергнуть нарушителей каре. А напускное спокойствие вызывает у варваров заметный страх, который несколько смягчается демонстративной справедливостью Карталона. На снисхождение Ганнибала рассчитывать трудно, Адгербал нередко срывается на эмоции с далекоидущими и не всегда гуманными последствиями, сталкиваясь с хитростью варваров, а Карталон невозмутим и справедлив. Его любят и уважают. Конечно, многие карфагенские офицеры его недолюбливают, но здесь, на краю света, вблизи Столпов Мелькарта, им приходится держать свои чувства при себе. Пусть сам Карталон не считается лучшим фехтовальщиком, но его ближайшая охрана, составленная из им лично отобранных варваров, весьма искусна по части владения самыми разными видами оружия. Да, Адгербал регулярно практикуется в метании ножей и копий, возможно, он лучший в этом искусстве во всем войске, но Карталон и не считал необходимым лично прибегать к оружию. Впрочем, однажды случай все-таки предоставился. И наверняка ведь и тут не обошлось без Красавчика.

Как-то раз Ганнибал Мономах и Магон Самнит, присоединившиеся к свите Ганнибала уже в Испании, а потому находившиеся у Карталона на подозрении, предложили состязание в скачках. Дело было далеко за стенами Нового Карфагена, а потому предложение не вызвало удивления – скука от однообразной поездки уже измучила многих офицеров. Махарбал, сопровождавший экспедицию, и Адгербал с удовольствием поддержали посетившую наверняка предательские головы идею. И вроде бы Ганнибал был не против. Но Карталона грыз червь сомнения. Зачем эта скачка? Да, можно списать на молодость и азарт, но что-то тревожно на душе. Вдруг за огромными валунами, разбросанными самой природой тут и там, притаились убийцы? В горячке можно не уследить, а там пролетит стрела или дротик, и нет Ганнибала. Или вот странно посмеивается Махарбал, при этом не сводит глаз с Карталона. В этом, видимо, и заключается ответ. Верно, ведь ветеран его недолюбливает. Пользуясь своим авторитетом, иногда даже напоминает про все позорящие слухи. Да и связывает относительную неумелость в верховой езде именно с происхождением. Ну что же, пусть переходит к насмешкам сразу же, давно пора дать этому надутому идиоту отпор, слишком долго Карталон молчит.

– Ну кто хочет, может посоревноваться. Но я бы не рекомендовал – слишком жарко сегодня, а нам еще предстоит долгий путь, – прокомментировал Карталон предложение подозрительной парочки.

Ну точно, вот и Махарбал напрягся, как лев, почуявший дичь. Аж ноздри вздуваются.

– И правда, давайте промчимся вдоль дороги. Пусть участвуют все, кто желает. Все знают, что карфагенян отличает от их рабов умение хорошо держаться в седле, – загоготал он.

«Вот оно что, – пронеслось в мозгу Карталона. – Он провоцирует ссору. Если я ему не отвечу, то дальше историю про раба разнесут по всему войску. Он специально смеется так громко, чтобы слышали иберы и ливийцы, входящие в состав отряда. Ну а если ответить, он под видом ответа на оскорбление убьет меня в поединке, ведь Махарбал прекрасный воин. Но и смолчать нельзя – это бросит тень на Ганнибала. И тогда Баркид сам его убьет. Ведь Мономах и Самнит тогда начнут распускать слухи про самого Ганнибала».

– Тогда, Махарбал, к какому же племени отнести тебя, ты ведь умеешь ездить и без седла, как нумидиец. Может быть, ты прибегаешь к такой езде, потому что тебе так проще, нежели держаться в седле?

Ну точно, все происходящее спланировано заранее. Махарбал, как по звуку трубы, которому привык повиноваться в течение всей своей убогой военной жизни, в которой он больше ничего и не видел, строит гневное лицо.

– Ты оскорбил меня, щенок, – как же неестественно он выглядит, – сражаемся здесь и сейчас.

Ну что, воспользоваться моментом и кликнуть ребят из охраны. Они преданны лично ему. Все знают, насколько безжалостен Махарбал, а тут он еще и прошелся по рабам Карфагена. Со столь спесивым господином варвары расправятся с большим удовольствием.

– Прекратить! – голос Ганнибала хоть и громок, но исключительно спокоен. – Рим один будет в восторге от вашей схватки. Поберегите силы для римлян, нам с ними сражаться уже очень скоро. К тому же Карталон прав, слишком жарко сегодня, а нам еще предстоит долгий путь.

И, погасив таким образом ссору, Ганнибал демонстративно продолжил путь. Вечером же Карталону пришлось вытерпеть крайне неприятный разговор. Ганнибал был взбешен и, хоть сдержался от крика, был крайне резок.

– Ну и что ты хотел? Наверняка кликнуть телохранителей, чтобы они убили Махарбала. А если бы за него вступился кто-то из наших? А если бы они действительно его убили, что дальше – выдать за вылазку мятежных иберов? Нет, тебе бы пришлось самому биться с ним, и он убил бы тебя. А я не готов тебя потерять... Пока.

Многочисленное «пока» явно намекало, что Карталону следует держать себя в руках не только внешне, но и в поступках и планах. Да, тут с Ганнибалом трудно спорить. Ганнон и присные наверняка ухватились бы за то, что знатного карфагенянина убили по приказу друга Ганнибала какие-то дикари. Да и Красавчик точно с ними заодно – не преминул бы учесть подобное нелепое убийство в своей дальнейшей игре. Кроме того, Махарбал пользуется авторитетом как умелый воин и командир. Тут Карталон действительно был неправ. Впрочем, это в любом случае лучше, нежели позориться и быть последним в скачке, обставленной как противопоставление карфагенян и рабов. Увидев мрачный и неприступный, как отблеск меча, взгляд своего сподвижника, Ганнибал сменил гнев на милость.

– Тебе бы следовало больше тренироваться с мечом. Адгербал вот даже ножами не пренебрегает. При должном усердии ты бы стал неплохим фехтовальщиком.

Впору обратить разговор в шутку. Но обычные смешные шутки Ганнибал не любит, значит, должна быть острота мрачноватая и с подковыркой, что ценят окружающие в Карталоне.

– Как правило, неплохие фехтовальщики не переживают первого боя. Хороших хватает на три-четыре. Наша же цель – победа в войне с Римом, так что лучше вообще не брать меч в руки.

Получилось. Проскользнувший в разговоре лед вроде бы растаял, Ганнибал смеется. Смеется и Карталон, но в глазах его все еще таятся грусть. Он помнит многое, запомнит и все сегодняшние слова.

Не просто так прозвучало упоминание о войне с Римом и обязательной победе. Карталон не мог забыть о клятве Ганнибала, клятве быть вечным врагом римлян и уничтожить их. Не мог он отделаться и от еще одной мысли, связанной с этой клятвой. При всей романтике, окружавшей ее, подобное обещание наверняка произвело на девятилетнего мальчугана неизгладимое впечатление. Впечатление тем более сильное, что сам Гамилькар Барка впоследствии неоднократно упоминал эту клятву и наставлял сына помнить о ней, во всем ей следовать. А будущая война с Римом станет чудовищным испытанием. Рим невероятно силен. В предыдущей войне эта сила сломала Карфаген, заставила просить о мире, а с тех пор латиняне стали только сильнее. Боги завистливы и нередко насмеваются над смертными. Кто знает, кому выпадет какой жребий на этой войне. Нередко случается так, что лучше заключить компромиссный мир и выиграть время для усиления. Может так случиться и здесь. Не помешает ли клятва Ганни-

балу трезво оценить ситуацию? И думал ли Гамилькар о том, какую ношу он возлагает на своего сына, справится ли тот с ней? Карталон нередко размышлял об этом. Однажды, и только однажды, он решился доверить эти мысли Адгербалу. Но приятель не придал этому значения.

– Клятва привлечет под наши знамена всех врагов Рима. Их, как нам доносят, немало, так что победа достанется нам с меньшими потерями.

– Так-то оно так, но не будем ли мы избыточно жесткими там, где необходимо проявлять гибкость? – Карталон по привычке вздохнул.

– Рим в любом случае не смирится с поражением, так что все твои страхи, пусть и обоснованные, излишни.

Ну а пока надо было беречь Ганнибала. Карталона пытались устранить весьма нехитрым способом, но и для самого Баркида Красавчик и его подручные предприняли не отличающуюся оригинальностью попытку – покушение.

Это также случилось во время выезда в дальние районы Испании. Причиной выезда были недоимки в налогах, принявшие системный характер, а также локальные мятежи местных жителей, возмущенных жестокостью сборщиков податей. Во время возвращения нагруженных изъятых с бунтующих племен избыточным и совершенно ненужным тем добром воинов постоянно отвлекали сообщениями о неких банддах, бесчинствующих в округе, грабящих и похищающих ценности, разоряющих поля. Жалобщики упирали на то, что невозможно исправно платить подати, когда Карфаген не предпринимает никаких мер по наведению порядка на территории, входящей в состав Республики. Ганнибал решил воспользоваться случаем поднять свой авторитет на этих захолустных землях, тем более что страдают они из-за неумения Красавчика. Воины получили приказ рассредоточиться, после чего в соответствии с указаниями добровольных проводников приступить к поиску бандитов. Целый день тревожные вести сменяли друг друга. Бандитов видели то в одной, то в другой местности. Отряд Ганнибала совершенно обессилел. На второй день повторилось то же самое. В результате воины разбрелись по местности, проявляя непростительную, но вполне объяснимую усталостью беспечность. В этот момент на горизонте увидели небольшой конный отряд. Бандиты, а кто бы это еще мог быть, пытались скрыться. Наспех организованная погоня привела лишь к тому, что Ганнибал и его ближайшие соратники оказались фактически в одиночестве. И тут на них набросились укрывавшиеся в засаде до зубов вооруженные люди, выучкой и организованностью напоминавшие не разбойников, а хорошо подготовленных убийц.

На Карталона насели двое. Одного он зарубил, перегнувшись через лошадь, но второй сумел ловко подрубить ноги несчастному животному. Лошадь упала и придавила карфагенянина. Мелькнула мысль, что вот так в глупой стычке на краю мира и придется проститься с жизнью, но в воздухе просвистел нож, брошенный Адгербалом, и незадачливый убийца захлебнулся собственной кровью. А вскоре подоспели и охранники, набранные Карталоном.

Одного из нападавших удалось взять. Но наскоро организованный допрос с привлечением специалистов из пыточного отряда не давал нити к заказчикам покушения. Повезло, что его организация не была проведена на высшем уровне, за что следовало благодарить всех богов Карфагена, но в дальнейшем Карталон уже не отпускал от себя набранных им лично охранников. Надо было беречь Ганнибала. А делать это становилось все труднее и труднее.

Уже даже слепому было очевидно, что Мономах и Самнит являются агентами Красавчика. Но они ровесники Ганнибала, при этом неплохо ранее зарекомендовали себя в войске, а потому не вводить их в свиту Баркида не может – это вызовет негодование воинов. И Карталон с Адгербалом далеко не всегда могут указать на опасность, исходящую от новых «друзей». Ведь тогда уже Ганнибал может заподозрить их в ревности. Действовать надо аккуратно. Но главная сложность в другом – Ганнибал всеми силами стремится завоевать любовь карфагенской армии. Сделать это одним только сходством с отцом невозможно. Необходимо быть постоянно с солдатами, делить с ними быт, отправляться в рискованные вылазки. А что может

ждет на бескрайних просторах Испании, многие народы которой лишь находятся южнее Ибера, но не признают никакой власти Карфагена? Да и среди солдат всегда могут затесаться нанятые убийцы. Один хороший удар – и нет Баркида, а у Гасдрубала окажутся развязаны руки. О том, что будет после этого, Карталон старался даже не думать.

В какой-то момент Ганнибал принял решение сблизиться с воинами, стоящими в караулах. Он обходил посты, беседовал с наемниками, узнавал их просьбы. Потом под предлогом усталости ложился спать, завернувшись в плащ, здесь же, среди караульных. Конечно, здесь Карталон спешил прислать караульную смену, составленную из заранее предупрежденных верных людей. Однажды это едва не привело к стычке. Как оказалось, воины, среди которых расположился на импровизированный ночлег Ганнибал, заступили на дежурство совсем недавно. Скорая смена вызвала их подозрение, они собирались поднять тревогу. Дабы не допустить огласки, начальник отряда, высланного Карталоном, попытался разоружить караульных. Подоспевший Карталон разнял разгоряченных воинов, объяснив ошибкой быструю смену. Далее он под предлогом неотложного доклада демонстративно разбудил Ганнибала, изображавшего спокойный сон, и ушел вместе с ним. Но пришлось выслушать от своего господина немало неприятных слов относительно последних действий. Ах, Ганнибал, как сложно тебя защищать, когда ты сам так мало внимания уделяешь непосредственно своей безопасности. А после покушения пришлось ускориться с поиском жен.

Эта свадьба – важный этап, новый шаг к войне с Римом. Покушение, совершенное на Ганнибала, никто скрывать не собирался. Неофициально всем заявлялось, что это происки римских агентов. Конечно, прямо обвинить Рим невозможно – немедленно придут послы с требованием доказательств. А не показывать же в качестве авторитетного свидетеля захваченного и оставшегося в живых убийцу. Этого ввиду бесполезности там же на месте и оставили. Дикие звери позаботятся. Бросить обвинение в лицо Гасдрубалу тоже невозможно – это вызовет столкновение между своими же и порадует римлян и Ганнона. Зато подогреваемые слухи о происках извечных врагов Республики хорошо поработали на авторитет Баркида. Тем более что воинам внушалось: Ганнибал будет мстить, а значит, будет и богатая добыча. Испытанное средство не может не подействовать. В войске Ганнибала любят. Скрепя сердце Карталон был вынужден признать, что и нахождение Махарбала рядом тоже помогло – ветеран пользуется уважением, к нему многие прислушиваются, а значит, его почитание Ганнибала также поможет привлечь войско на свою сторону, когда для этого придет время. Но важнейший шаг – заручиться поддержкой вождей иберов. А это можно сделать только через брак. Что же, этот шаг сделан. Теперь авторитет и влияние Красавчика серьезно подорваны. Чаша весов заколебалась. Скоро кто-то предпримет резкие шаги. Если удача будет сопутствовать Ганнибалу, то новая война с римлянами приблизится. Думая о ее перспективе, Карталон всегда испытывал необъяснимый холод между лопатками. Да, столкновение неизбежно, да, противоречия нарастают с каждым годом, с каждым месяцем, с каждым днем. Но что это будет за война... Это будет ужас, о котором еще долго не забудут победители. Ну а побежденные если и будут помнить, то недолго. Победители позаботятся об этом...

* * *

И вот завершение свадебного торжества для молодоженов. На улицах же Нового Карфагена продолжают празднества. Нестройный хор толпы распевает вперемешку карфагенские и иберийские песни – сегодня они все друзья. Продолжается торжество и во дворце, здесь пока не всех знатных гостей разнесли по покоям, некоторые еще находят в себе силы для закрепления достигнутых за столами успехов. За стенами же море катит и катит свои волны, так было, и так будет. А молодоженов ждет брачная ночь.

Карталон не находил себе места. Рохану готовят к ночи с одним из высших сановников Карфагена, а сам государственный деятель мерял шагами одну из отведенных ему во дворце комнат. А ведь сейчас самое время застать врасплох. Да, потом в будущем Красавчику все время будут припоминать эту бойню, может быть, даже романтическое название для нее придумают, ну и что с того. Дело-то будет сделано. Объявят все это происками каких-нибудь очередных иберийских бандитов, пробравшихся во дворец. Можно подумать, мало у того же отца Роханы врагов. Гасдрубал даже воспользуется поводом произнести прекрасную поминальную речь, но Ганнибалу со товарищи-то это уже не поможет. Они будут знакомиться с загробным миром и давать отчет своим славным предкам, почему не предприняли всех мер в борьбе за власть. «Власть всегда будет с тобой». Так говорил Гисгон. Неужели он, Карталон, подведет своего отца? Ганнибал и Адгербал уже предаются утехам. С младшего Гасдрубала спрос еще меньше. А вот он сам не имеет права на слабость.

– Передай госпоже, что меня вызывают неотложные дела, – с этими словами он прогнал рабыню, пришедшую сообщить, что Рохана ждет его.

Тут не ждет не жена, а время. По заказу Карталона ему заранее изготовили плотную туннику и небольшую кирасу, которые могли помочь ему остаться живым в случае покушения с легким оружием. Удар меча подобное одеяние не сдержит, но от кинжала убережет. И вот сейчас пришло время этого облачения. Брачная ночь подождет, сейчас надо проверить караулы. Покои Баркида и его сторонников расположены поблизости друг от друга, в одном крыле дворца. Даже за это пришлось биться – поначалу им выделили помещения в разных концах весьма масштабного сооружения. Лишь совместными усилиями, подкрепленными фактическим отказом принять столь предательский подарок Красавчика, удалось поселиться рядом. Теперь это может спасти жизнь. Еще днем Карталон проверил стражу, охранявшую их крыло, позже, уйдя из пиршественного зала, сменил ее. Таким образом снижается вероятность подкупа, в чем поднаторел Красавчик. Но мало просто выставить стражу. Теперь надо ее проверить. И Карталон вышел из своих покоев и направился в обход.

Мрачные коридоры и лестницы дворца дополнительно тяготили карфагенянина. Многие факелы потухли, те же, что горели, отбрасывали причудливые блики, похожие на мифических чудовищ. Подумалось, что вот с этими чудовищами с удовольствием бы схватился не на жизнь, а на смерть, лишь бы спрятаться от всех окружающих интриг. Появись подобное сказочное чудо – рубанул в ответ мечом, вот и вся недолга. Красавчика не рубануть, он карфагенский вельможа, один из руководителей партии, ратующей за расширение торговли Республики. Он посылает горы серебра в Карфаген. И пусть оно проходит уже через руки отца Адгербала Гасдрубала, перенаправляясь уже от имени последнего на требуемые нужды, народ все равно любит Красавчика. Особенно здесь, в Испании.

Мысли Карталона обратились к Риму. Неужели и там такие же интриги? С одной стороны, верится слабо. Будущий противник произвел чудовищно сильное впечатление своей видимой монолитностью и спокойной уверенностью. Будь там такие же интриги, как в Карфагене, не мог бы он сохранять столь высокий уровень сплоченности. С другой стороны, отец неоднократно подчеркивал, что власть всегда одинакова по своей природе. А в Риме много власти, много жажды власти. Значит, есть и интриги. Наверное, они активнее маскируют их, не показывают иностранцам. Причина на то вполне очевидна. Увидев трещины в фундаменте государственности, любой неприятель предпримет все меры, чтобы расширить их, расшатать все здание. Нельзя исключать, что и те, кто уступает в борьбе за власть, в этой ситуации обратятся за помощью к иным государствам. А те не будут помогать из доброты душевной. Почти наверняка Ганнон находится в контакте с Римом, а тот не будет помогать из дружеского расположения к Республике. Нет, Рим будет всячески ослаблять карфагенян, стремиться в лучшем случае включить их в свою систему союзов, а скорее – просто разрушить город, ослабленный неурядицами. Безусловно, полностью искоренить интриги не получится, но нельзя выносить их

на поверхность, как это делает Ганнон, едва ли не открыто призывающий расправиться с Ганнибалом. Он не просто критикует политическую позицию Ганнибала, не просто призывает к миру и дружбе с римлянами, Фабий тоже проповедует на Форуме, он фактически настаивает на уничтожении рода Гамилькара, истреблении Баркидов. Тем самым Ганнон дает козырь в руки внешним врагам, всегда готовым его использовать, а Карталон из-за обстановки прямо сейчас, в свою брачную ночь, покинув ожидающую его красавицу жену, вынужден с отобранными охранниками патрулировать лестницы и коридоры у покоев.

Вот покои Ганнибала. У дверей стража, также отобранная Карталоном. Смотрят исподлобья – своим напряжением молодой пунийский вельможа и их заразил. Все ждут атаки. Да, она может и не случиться, но лучше простоять на страже всю ночь, чем оказаться безоружным перед убийцами. Может, собрать из мебели небольшую баррикаду, перегородив вход в крыло? Нет, нельзя столь явно показать свой страх – солдаты не любят трусливых командиров. Можно и весь завоеванный с таким трудом авторитет растерять. Идем дальше.

Какой-то слуга целенаправленно шествует к нему. Что он там лопочет? Что-то от госпожи. О Танит, благодарю тебя, наконец-то можно на ком-то сорвать всю досаду за сегодняшний напряженный вечер.

– Вывести и высечь розгами, – распорядился Карталон.

Рыдающего и умоляющего о снисхождении идиота увели. «Да что это со мной?» – размышлял Карталон. Действительно, подобная жестокость никогда не была ему свойственна. Он убивал в сражениях, но делал это исключительно по необходимости. Приказывал отправить в мир иной пойманных лазутчиков, но без этого не обойтись. Но чтобы столь бессмысленно приказать подвергнуть наказанию раба, виновного лишь в исполнении приказа госпожи, это, конечно, было лишнее. Виноват, разумеется, Красавчик, созданная им атмосфера противостояния довела до такого, но надо взять себя в руки.

Вот покои Адгербала. Там продолжается веселье, слышен смех. Карталон улыбнулся. Да, Адгербал верен себе. Ну да ладно, пусть хоть кто-нибудь позволит себе потерять голову сегодня. Все-таки считается, что свадьба – это праздник. Он же не может позволить себе такой роскоши, так что необходимо продолжать обход.

Странное ощущение, даже зябко немного. Что это, нервы или тут и впрямь похолодало? Да, действительно, тяжелые занавеси ходят ходуном. С моря дует заметно посвежевший ветер. Будем считать это счастливым предзнаменованием, хотя он и заметно раздражает и без того напряженные нервы. Спокойно, Карталон, надо успокоиться и быть готовым достойно встретить тайного врага, если он таки решится ударить. Впрочем, время идет, так что, возможно, и сейчас Красавчик не решится на попытку устранить Ганнибала в собственном дворце. Тем лучше. Теперь время играет уже строго на нас.

Вот уже и заря начинает пробиваться. Ничего себе брачная ночь. Теперь надо каким-то образом скрыть тот факт, что он даже не прикоснулся к жене. Подобный позор может бросить тень на Ганнибала, а тот не простит. Надо идти к Рохане.

* * *

Рохана с ранних лет поняла, какую власть имеют женщины над мужчинами. Это не власть золота, не власть вождя, не власть оружия. Она гораздо сильнее. Из-за женщины мужчины теряют голову, ради женщин могут потерять все, что имеют. При должном уме и сноровке женщинам нетрудно направить мужчин по выгодному им пути. Право слово, мужчины – очень слабые и глупые создания. Даже несправедливо, что именно они управляют всеми землями в Иберии, заправляют делами у новых хозяев земель Иберии – карфагенян и римлян. Эти пришельцы поделили их страну, вольно проведя границу по реке Ибер на севере. Если бы в Иберии управляли женщины, этого бы не произошло.

Но, если задуматься, так даже лучше. Пусть мужчины тешат себя тем, что они чем-то управляют, пусть соревнуются в скачках и на охоте, пусть рискуют жизнью в боях. Ей же повезло родиться в семье славного, пусть и недалекого, вождя Индебила. Она выйдет замуж за подходящего человека, который также будет вождем, будет воображать, что реально правит. Она же будет его направлять и вертеть им, как захочет. Рохана утвердилась в этой мысли с того самого момента, когда поняла, насколько она привлекательна для этих вроде бы господ мужчин. Ну а пока муж будет заниматься так называемыми государственными делами, она найдет, с кем скоротать время. Поэтому надо холить и лелеять свою красоту и оттачивать свое искусство управления мужчинами. Тем более что отец при всей своей властности довольно быстро попал под влияние дочери. Братья никак не могли договориться между собой, а потому Рохане вполне удавалось выступать судьей в их спорах. Она отработывала тактику решения их проблем таким образом, чтобы самой оставаться в выигрыше. Рано завела себе любовников и не стыдилась помыкать ими. В чем же смысл быть красивой и умной, если не пользоваться этими достоинствами?

Отец рано попал под влияние дочери и даже был доволен тем, что в разговорах с ней приходил к столь выгодным для себя и народа решениям. Он не мог нарадоваться тому, какие мудрые советы предлагает его красавица. А красавица довольно быстро начала испытывать к нему презрение – что за слабак, который постоянно считает, что это он сам дошел до умных мыслей. В глубине души Рохана чувствовала некую симпатию к отцу, но не могла побороть презрение. Ну какой же он дуралей!

Мамаша тоже не вызывала теплых чувств. Забавная толстуха вполне удовлетворилась подчиненным положением и могла только кудахтать о том, как должна вести себя девушка из хорошей семьи. Рохана испытывала к матери даже не презрение, а некую брезгливость – надо же так опуститься. И ведь довольна. Неужели ее все устраивает? За нее всю жизнь кто-то принимал решения – муж или дочь, а она и рада. Не принимает решений, рождает детей и беспрестанно молится. Да, о богах можно и нужно вспоминать, но отношения с ними также должны быть строго рабочими, по принципу «Ты – мне, я – тебе». А иначе какой смысл их почитать. Боги должны помогать своим верующим, иначе молитвы и приносимые жертвы становятся напрасной тратой сил.

Но и отец не мог считаться полновластным хозяином своей земли – не так давно в Иберии появились карфагеняне. Земли севернее Ибера были формально свободными, но и там, как говорили, заправляли чужеземцы, в этом случае – римляне. Рохану не интересовали эти детали. Возможно, так будет даже проще. Нужно воспользоваться случаем и выйти замуж за представительного чужеземца, который будет настоящим хозяином. Ну а его хозяйкой станет она. И будет управлять не только в Иберии, но и на его родине – в далеком Карфагене. Но для этого надо правильно подготовить отца. Ведь в глубине души он ненавидит захватчиков.

Рохана исподволь заводила с отцом разговор о чужеземцах и их обычаях. Они ужасали ее своей дикостью. И это они нас зовут варварами! А сами приносят в жертву собственных детей, сжигают их в печи во славу жестоких богов. Жрецов их богини лишают самого дорогого, что есть у мужчины. Даже Иберию они прозвали по-диковинному – Испанией. Даже выговорить-то такое название почти невозможно. Одно слово – дикари. Но дикари богатые и сильные. Их старый вождь Гамилькара высадился в Иберии с небольшим количеством воинов, но сумел подчинить себе огромные земли и живущие на них народы. Сейчас правит карфагенянами в Иберии Гасдрубал по прозвищу Красавчик. Рохана мельком видела его в Новом Карфагене, отправившись туда с отцом. Ей он не понравился – один только самодовольный вид заслуживал хорошей взбучки. А она-то умела задавать взбучку мужчинам. Один только холодный взгляд свысока повергал на колени самых тщеславных иберов. Ведь в глубине души все они желали ее. Уж она-то смогла бы справиться с Красавчиком. Как же Рохана завидовала Региле, ставшей женой карфагенского военачальника. Она сидит в роскошном дворце, и ее охраняет целое

войско. Муж думает, что занят государственными делами, а она предоставлена самой себе. Уж Рохана бы воспользовалась подобной возможностью, чтобы доказать, кто тут настоящая госпожа. А эта дура смогла родить ему дочь, и все. Выцарапать бы ей глаза.

В это время в Иберии объявился сын Гамилькара Ганнибал. Отец Роханы называл его настоящим вождем Карфагена. Слухи один чуднее другого разносились по всей Иберии. Говорили, что сын Гамилькара уже в ближайший месяц пойдет войной на Рим, утверждали, что его меч поражает врагов молниями, что сам он способен убивать одним взглядом. Рохана в душе смеялась над подобными байками, но внешне ничем не показывала своего отношения. Она – любящая дочь своего отца и чтит традиции предков, будь они все неладны. И ждала своего шанса. Не будет же такой знатный муж удовлетворяться услугами шлюх Нового Карфагена. И отец проговорился, что для поддержки со стороны иберов Ганнибалу бы неплохо с ними породниться.

Каким же горьким разочарованием стало известие, что близкий друг Ганнибала ведет переговоры о его будущей жене со старейшинами Кастуллона. С этими лягушками. Рохана не могла поверить в такую низость, тем более что отец традиционно враждовал с представителями этого города. Он часто называл их змеиными отродьями – Кастуллон одним из первых перешел на сторону Карфагена. Индебил говорил, что придет время, и Кастуллон первым предаст Карфаген. Рохане это было неинтересно – она молча переживала свое горе и глотала соленые слезы обиды. Пользуясь тем, что в Иберии женщины гораздо более свободны, нежели в Карфагене, чтоб ему провалиться, Рохана брала лошадь и выезжала к озеру. Там в уединении она рассматривала себя и сокрушалась тупости мужчин, которые по какому-то недомыслию стали вождями. Вот она смотрит на свое отражение в воде и не находит никаких изъянов. Да, роста среднего, но и кому нужны эти дылды. Зато сложена на зависть любой сопернице. Зеленые глаза весело поблескивают, кожа умеренно смуглая и хорошо переживает даже жаркое летнее солнце. Густые черные волосы спускаются ниже талии. А уж как задерживаются взгляды мужчин на ее груди. Куда там этой вяленой рыбине Региле или самодовольным клушам Кастуллона. А, может, над ней так издеваются боги? Все-таки надо принести им жертвы и попросить лучшего мужа. Ну неужели нет умных людей среди карфагенских военачальников? Рохана горевала в одиночестве у озера и даже забыла о том, что отца надо регулярно настраивать правильно. Она стала им даже где-то пренебрегать.

Но правду говорят жрецы – человек предполагает, судьба располагает, а боги делают по-своему и смеются над людскими потугами. Вскоре друг Ганнибала со странным именем Карталон – и не поймешь, что это значит – объявился в их краях и завел с Индебиллом, как с одним из влиятельнейших вождей, речь о браке. Однажды вечером отец с весьма озадаченным видом зашел к Рохане, которая уже изнывала от нетерпения – вот он шанс.

– Дочка, наш гость хочет познакомиться с тобой и понять, подойдешь ли ты ему как жена.

– Может, он хочет сразу и овладеть мной?

Рохана могла быть очень вульгарной, а нервная обстановка последнего времени привела к тому, что ее выдержка ей изменила.

– Не похоже, маленькая злючка. Да и скорее ты им овладеешь. Он не производит впечатление храброго и сильного воина.

«Ну это скорее ему комплимент!» – пронеслось в голове Роханы.

– Чего же он хочет? – поинтересовалась она.

Вид у отца стал еще более озадаченным.

– Сказал, что просто поговорить.

Пришлось прихорашиваться и выйти к карфагенянину. До этого Рохана боялась спугнуть удачу и лишь мельком видела приезжего. Тут получилось рассмотреть пристальнее, и он ее разочаровал. Высокий – выше большинства знакомых Рохане мужчин, – но при этом очень стройный, едва ли не худой. Даже скорее тощий. Интересно, а в постели он на что-то вообще

сгодится? Кожа светлая и нетипичная для уроженцев Африки. Мягкие волосы развалились по плечам и не обладали тем иссиня-черным цветом, которым гордились знакомые иберийке пунийцы. Рохана самодовольно подумала, что ее-то волосы гораздо чернее, нежели у пришельца. Глаза светлые, красивые и выглядят добрыми. «Слабак», – решила Рохана.

Карталон заговорил. Он очень неплохо говорил на их языке, что заставило девушку несколько сменить гнев на милость. Он расспрашивал ее об интересах, о знаниях, об истории семьи. Пуниец широко улыбался, подбадривал ее, а глаза лучились теплотой. Рохана мысленно уже думала о том, что с таким растяпой можно будет легко завести любовника. Наконец карфагенянин прервал вопросы.

– Подходит. Раз остальные условия мы обговорили, то я возвращаюсь в Новый Карфаген, улаживаю вопросы с повелителем, потом немедленно играем свадьбу. Она будет большим торжеством: одновременно будут сочетаться узами Ганнибал, его брат, я и еще один наш друг. Готовьтесь.

Рохана с удовольствием позадавала бы вопросы о грядущем, но отец отправил ее отдыхать, а при будущем муже она не решилась настаивать, чтобы остаться. Наутро Карталон уехал, а вскоре прислал за ними.

Рохана смирилась с тем, что мужем ее будет не Ганнибал, да и вообще человек, мало похожий на карфагенянина. Тем проще окажется, если дети будут не от него. А если он такой слабак, то и вертеть им будет нетрудно. Жаль, конечно, что доходят слухи, будто он не в чести среди своих. Зато близок к Ганнибалу. Тут Рохане будет где развернуться.

И вот само свадебное торжество. В очередной раз видно, что Карталон заметно отличается от сородичей. Большинство из них очень смуглые, с черными вьющимися волосами и темными же глазами. Носят бороды, в то время как у мужа на щеках довольно блеклая щетина. И то, как уже донесли до нее слухи, он регулярно убирает ее, предпочитая гладко выбритую физиономию. Ну здесь Рохана возьмет его в твердые руки. Нельзя настолько отбиваться от своих, давая им лишний повод для ненависти. Само торжество великолепно. Она наконец-то получает то, чего заслуживает. Разумеется, главная героиня праздника – Имилька, выходящая замуж за самого Ганнибала. Ну пусть порадуется сегодня, дура. Рохане будет нетрудно поставить ее на место, так как она непроходимо глупа. Интересно, Карталон специально выбирал своему господину столь недалекую жену? Ну да ладно, это можно выяснить и позже.

На текущий же момент властолюбивую иберийку начали терзать сомнения. Что-то странное происходило. Карфагенский правитель Испании Гасдрубал Красавчик многословно произносил хвалебные речи в адрес Ганнибала и его окружения. Они звучали столь напыщенно и пестро, что Рохане стала очевидна их лживость. Может быть, у карфагенян так принято, но почему-то беспокойно на душе. Да и поведение мужа странное. Рохана хорошо помнила, что ее красота произвела на него впечатление. Он, собственно, и не пытался этого скрывать при знакомстве. Но почему сейчас он даже не смотрит на нее? Его взгляд беспокойно мечется по пиршественному залу, как будто он отовсюду ждет несчастья. И к вину не притрагивается. А вот это уже опасно. До свадьбы Рохана не сдерживала порывы молодого тела, тем более что и многие перспективные юноши из хороших иберийских родов стремились завоевать ее благосклонность. Здесь все было продумано. У верной рабыни уже заготовлен пузырек с кровью голубя, а если муж напьется, как это обычно и должно происходить на свадьбах, то и не поймет ничего. Ему и не надо. У карфагенян принято прятать своих женщин за всеми запорами, так что для него неприятное открытие может стать шоком. Но он трезв, ведь пьет лишь воду. Рохана всеми силами пыталась уговорить его выпить хмельного, но он как будто не слышал. Его друзья вовсю предавались веселью. Даже известный своей неприхотливостью Ганнибал смеялся и прихлебывал вино, пусть и разведенное водой. А Карталон так и сидит – мрачный, трезвый и чудовищно возбужденный. Интересно, в таком нервном состоянии он вообще будет

на что-либо способен вечером? Несмотря на тревогу, новоиспеченная карфагенская аристократка хихикнула.

И теперь Рохана злилась на весь свет, а больше всего на мужа. На этого недотепу, пройдоху, идиота, сумасшедшего, да проклянут его боги, да отсохнет его мужское достоинство, да попадет он в самые ужасные чертоги загробного мира, где пытаются самых отъявленных грешников. Обидевшись на Карталона, она ждала, что он придет к ней немедленно после завершения торжества. Чтобы отомстить ему, она планировала изобразить невинную дурочку, воспользовавшись заблаговременно подготовленным пузырьком. И не демонстрировать все те навыки, которые приобрела до замужества. И что же? Прибежали служанки, привезенные Роханой из дома, и сообщили, что так называемый муж надел странные доспехи и ходит вместе с воинами по коридорам. Зачем ему это? Или он таким образом прикрывает бессилие? Рохана перебрала в памяти все, что о нем рассказывали. Говорили, что он очень близок к Ганнибалу, что не в чести у большинства соплеменников, что отличается умом и сообразительностью – после сегодняшнего в это невозможно поверить, но было известно, что не сторонился от женщин. Значит, есть какие-то еще причины. Неужели не хочет еще больше попасть под ее влияние? Или специально издевается? Ну она ему устроит! Теперь он не может от нее попросту отмахнуться, она ему законная жена, ему нужна поддержка ее семьи – об этом говорил отец. Она даже послала за ним слугу. Тот не возвращался. Отправившиеся узнать, что происходит, служанки вернулись с жутким известием – Алькоя высекли розгами во дворе по приказу Карталона. Какая жестокость. И с чем же она связана? Ну ничего, утром он все узнает о себе, о своих душевных и телесных качествах. Дайте только срок. От нахлынувшей злобы Рохана не могла даже думать о сне. Ей испортили свадьбу. И кто-то поплатится за это.

И вот ранее утро. Уставшая Рохана валялась на ложе, которое должно было стать счастливым, но теперь вызывало лишь досаду. Раздались шаги, и появился Карталон. Он тоже был крайне уставшим. Разметанные вокруг лица волосы, темные круги под глазами, горящими лихорадочным блеском. Да и вид удрученный. Наверное, понимает свою вину перед женой. Но что за странная ухмылка появилась на губах мужа. Он прокашлялся и скомандовал служанкам:

– Вон, все вон!

Ну вот, остались вдвоем. Рохана стремилась продемонстрировать оскорбленное величие и надменно молчала. Неожиданно в глазах Карталона блеснула ирония, странным образом сочетавшаяся с усталостью. Цвет глаз напомнил иберийке утреннее море. Карфагенянин некоторое время подбирал слова, но то, что он сказал, повергло Рохану в шок.

– Сможешь – поймешь. Поймешь – простишь.

Шок сменялся яростью. Что он несет? Это он сделал прошедшую ночь худшей в ее жизни. А теперь издевается. Она прямо задохнулась от ярости, но муж не дал ей времени на гневную тираду и прервал довольно небрежно:

– Если хочешь, будем ругаться потом, хотя я предпочитаю спокойные и тихие разговоры. Пока же займись делом. Нельзя позорить соратника Ганнибала – это косвенным образом бросит тень и на господина. Поэтому сейчас мы поступим так. Думаю, ты заготовила кровь для демонстрации наших успехов прошедшей ночью. Воспользуйся ей. Воинов я менял, поэтому они решат, что я к тебе заглянул. Служанки твои – с ними разберешься сама. Я же пойду к своим. Твоя красота и подготовленная постель не вызовут вопросов относительно моей усталости. Все, время не ждет – действуй.

Ярость переполняла Рохану. Да что он себе позволяет? Если все карфагеняне хотя бы вполтину подобные идиоты, то неудивительно, что их разгромили римляне. Странно, что вообще этот город просуществовал так долго. Надо было отцу искать римских союзников, лучше бы она стала женой римского патриция. И, ища достойный выход своим оскорбленным

чувствам, она схватилась за стоящую поблизости небольшую вазу, чтобы запустить ей в Карталона.

– Погоди, – прервал ее спокойный и слегка насмешливый голос. – Эта ваза красивая и очень дорогая. Если необходимо продемонстрировать свой гнев, то воспользуйся вон той, подальше. Ее и бросать удобнее.

Злость как-то разом улетучилась. Рохана поняла, что ее мысли оказались для Карталона открытой книгой. По крайней мере, сейчас. В другой ситуации это бы ее возмутило, но восприятие происходящего стало резко меняться. А он совсем не дурак. Он очень хорошо просчитывает мысли других. И эта насмешливость. Прикрывает ли он ею свою тревогу, или наоборот – прикрывает насмешливость тревогой? Стоит призадуматься.

– Ну хорошо, я вижу, что ты задумалась. У тебя будет время, потому что, скорее всего, я вернусь нескоро. А пока делай то, что я поручил. Возражения не принимаются. Не сейчас.

И Карталон резко повернулся, собираясь уходить. Неожиданно он остановился и внимательно посмотрел на вновь приобретенную супругу. Видно было, что он не решается что-то сказать. Наконец карфагенянин решил:

– Если хочешь выжить, не ешь и не пей ничего, пока кушанья не будут отведаны кем-то, кому ты доверяешь. И при тебе. И после этого тоже выжди.

После чего муж ушел. Рохана задумалась. Ах вот как. Я бы даже и не подумала, что такое возможно. Значит, вот оно что. А Карталон совсем не дурак и не тряпка. И, к слову, очень симпатичный.

* * *

Карталон первым делом направился к покоям Адгербала. По пути он посмеивался про себя. Да, женушка-то попалась что надо. Собиралась отчитать его как мальчика, повергнуть презрением, но быстро схватила суть и задумалась. Сейчас подумает и поймет. На любовь ее нечего и надеяться, но помощь такая стерва может в дальнейшем оказать незаменимую. И дети от нее будут неглупые. Если, конечно, для этого придет время.

Из комнат Адгербала ни звука. Перепуганные слуги пытались даже не пустить.

– Господин, пощадите, не губите, велено дать отдыхать.

– Я вас не спрашиваю, куда мне идти, расступись.

Несчастные попадали на колени, упрашивая не идти дальше. В это время тишину нарушил сонный крик Адгербала:

– Карталон, наверняка это ты, зануда. Не сегодня. Сегодня мы все отдыхаем.

Ну ладно, так и быть. Пусть приятель расслабляется. Так, а что там у Ганнибала? Тут уже не слуги, а стража, выставленная самим Карталоном. Господин все еще почивать изволят. Ладно, Баркида беспокоить точно не стоит. Ну а что тогда? Деятельная натура Карталона не позволяла ему находиться в бессмысленном ожидании, в то время как инициатива принадлежала Красавчику. Осмотрел помещения, сменил отведывателей блюд. Узнал, как там поповший под горячую руку ночью служка, кинул ему несколько серебряных монет. Тот сразу же забыл о рубцах на теле – такого состояния он в жизни не видывал. Все-таки не стоило его наказывать. Лишняя ненависть. Пусть мелкая, но может сыграть свою роль, если жребий будет колебаться. А дальше что?

Размышления Карталона нарушили подошедшие слуги.

– Господин, суфжет Гасдрубал приглашает Вас к себе для важного разговора.

Час от часу не легче. Что же теперь? Но показывать страх нельзя.

– Конечно, ведите.

Небольшие уютные покои, в которых Гасдрубал принимал Карталона, располагались в глубине дворца. Эти покои были украшены множеством свежих, только что срезанных цве-

тов. Из помещения был свободный выход во внутренний сад. Здесь, в самом центре огромного города, создавалось впечатление, что находишься на природе. Воздух был свободен от запаха обычных городских нечистот и казался чистым и свежим. Двое знатных карфагенян расположились в покоях одни. Но одни ли? Стены покрыты драпировками, за которой могут скрываться ниши со спрятанными в них соглядатаями. При этом со стороны никто бы не подумал, что встречаются смертельные враги.

– Здравствуй, Карталон, присаживайся. Надеюсь, ты не в обиде на старика, что оторвал тебя от столь приятного времяпрепровождения? Но я думаю, что настала нам пора поговорить. Тем более что столь приятное торжество располагает и к задушевным разговорам.

Понятно, доброты уже доложили о бессонной ночи, проведенной в караулах. Ну ничего, ничего. Надо отвечать исключительно вежливо. Не убьет же он меня после вот такого приглашения. Да и явно Красавчик прибудет. Возраст, конечно, заметен, но он все еще очень красив, а Регила вновь беременна.

– Господин, я всегда рад с тобой поговорить. Слова мудрого человека являют собой свет истины, а всем известно, что именно ты самый мудрый в Республике.

Гасдрубал усмехнулся и шутливо поднял свой кубок с вином как бы в честь Карталона. Улыбка напоминает крокодила. Рассказывают – сам Карталон этого никогда не видел, – что крокодилы, пожрав жертву, оплакивают ее. Невозможно в это поверить, но и в трудах историков, наблюдавших за этими тварями в Египте, где им поклоняются как богам, это описывается постоянно. Значит, можно считать вполне возможным. Вот и Красавчик такой же. Улыбается, но именно в такой момент особенно опасен. Но не убивать же он его пригласил. Посмотрим, что скажет, а там будем действовать по ситуации.

– Прибереги свою лесть, юноша, для тех, кто к ней равнодушен. Я уже слишком давно живу на этом свете, чтобы обращать внимание на льстецов. Полагаю, что ты мучаешь себя вопросами и предположениями, зачем я пригласил тебя к себе в столь раннее время.

– Да, это так. Я с нетерпением жду твоих слов, чтобы понять, зачем же я тебе понадобился, о мудрейший, – Карталон сохранял подобострастный вид. Играть так играть, нечего облегчать жизнь Красавчику.

– Я часто вспоминаю Гисгона, твоего отца. Ты во многом похож на него: те же мысли, та же обстоятельность, та же близость к семье Гамилькара Барки. Ты им очень полезен, а Ганнибал этого не ценит. Ты ведь столь же небогат, как и твой отец?

И вновь начали роиться мысли в голове Карталона. Грубо, очень грубо. Сразу же перешел Гасдрубал к намекам на то, что Баркиды не ценят, что он, Красавчик, может быть щедрым и одарить Карталона. Ну ладно, продолжаем играть.

– Я не думаю о деньгах, ведь в мыслях у меня лишь благо Республики.

Усмешка на лице Гасбдрубала стала совсем уже кривой. В результате выражение его лица приняло откровенно хищный характер. Красивый, пусть и немолодой, хищник, вот кого он напоминает. Но Ганнибал прав – спокойная жизнь расслабила Красавчика. Будь он моложе, будь хватка прежней, он устроил бы покушение на Карталона, пока тот один, это стало бы намерением всей партии Баркидов. А мстить уж точно никто бы не стал. За Карталоном нет поддержки семьи, нет денег, его происхождение стало притчей во языцех. Хороший намек Ганнибалу, а, главное, безопасный. Но нет, Гасдрубал предпочитает покупать. Поэтому и проиграет. Но пока нужно выкручиваться самому. А повелитель пунийской Испании продолжал свою речь:

– Должно быть, тебе нелегко поддерживать это безучастное выражение лица. Это не вопрос, я тебя понимаю. Понимаю как никто. Ведь и мои советы тоже в свое время не слушали. А посмотри, кем я стал. А вопрос мой будет в другом – хочешь, я скажу тебе, о чем ты думаешь чаще всего?

– Такой великий человек, как ты, наверняка умеет читать мысли. Я с интересом выслушаю.

На лице Гасдрубала впервые проскользнуло неудовольствие. Дерзкий юнец продолжал лстить, но не проявлял ни малейшей заинтересованности. Но он взял себя в руки и продолжил:

– Твой отец многое тебе передал. Многое ты узнал сам. Наверняка ты отдаешь себе отчет в том, насколько сложна война с Римом. Ты знаешь не хуже меня, что удача переменчива, а римляне очень сильны. Если они победят, то поведут дело к уничтожению Карфагена. Зачем тебе это?

Ловушка. Начнешь соглашаться, никто не поверит. Особенно учитывая тот поток оскорблений, которые пришлось вытерпеть. А промолчишь, обвинят в том, что желаешь зла родине. Вот что задумал Красавчик. Наверняка их разговор внимательно слушают агенты Гасдрубала, которые заранее спрятались в нишах и прикрыты занавесями. А уже потом они разносят слухи о том, что якобы думает и говорит Карталон.

– Война может начаться и против желания кого бы то ни было. С твоим опытом тебе известно это лучше многих. Поводом к первой войне стала Мессана. Казалось бы, где небольшой сицилийский городок, а где Рим с Карфагеном. И тем не менее.

Правильно, попал в точку. Ни да ни нет. Красавчик скривился, как будто попробовал кислый лимон. Но постарел Гасдрубал, утратил былую хватку. И очевидно, что привык иметь дело с подхалимами. Те смотрят ему в рот и не возражают. Иначе не демонстрировал бы подобной реакции. Но ум при нем. Сам понимает, что допустил оплошность, ерзает на сиденье кресла, не находит себе места. Красавчик понимает, что ему нужно успокоиться и сгладить допущенные ошибки. Гасдрубал встает и жестом предлагает выйти на террасу. Так даже лучше – если говорить тихо, их будет сложнее подслушать и засвидетельствовать перед Ганнибалом неосторожные слова, которые могут вырваться и у самого Карталона. Красавчик молча ходит взад-вперед по террасе. Карталон понял, что сейчас надо держать паузу – собеседник пытается его самого спровоцировать на инициативу в разговоре. Не на того напал: сам позвал, сам и говори. Наконец Гасдрубал продолжил разговор:

– Ты молодец, спровоцировал меня. Именно такие умные люди и должны вершить будущее Республики. Зачем тебе война с Римом? Можешь не отвечать, но я уверен, что ты не допускаешь мысли о нашей победе в ней. Рим чудовищно силен. Впервые погрузив весла в воду в предыдущей войне, он регулярно одерживал над нами победы. Как мы можем рассчитывать победить их? Мы должны ждать. Возможно, внутренний разлад у Рима окажется нам на руку. Если нет, то надо будет заключать большой союзный договор. Ганнибал умен, но он мечтает о победе. Это тщеславие – величайшая опасность, которой боги испытывают облеченных властью людей. Ты умен не по годам и не захочешь оказаться на стороне проигравших. А Ганнибал проиграет.

День в Новом Карфагене был очень жаркий, но в этот момент на Карталона повеяло холодом. И дело было вовсе не в том, что ветер поменял направление и подул с моря. Нет, морской бриз при свете солнца здесь также жаркий, а до зимы еще очень далеко. Но Красавчик фактически произнес слова, слишком близкие к тем, которые сам Карталон произносил, мысленно обсуждая с самим собой то, что грядет. Да, Рим очень силен. Его внутренняя устойчивость гораздо выше, чем у Карфагена. Владение противником островами исключает морскую высадку в Италии с привлечением значительных сил. Если воевать в Италии, то придется осуществлять длительный пеший переход, пробиваться через Альпы. Одной Танил известно, сколько людей останется там навсегда. А отказаться от такого перехода – значит отдать инициативу врагу. Сразу вспомнились беседы с отцом. Старик Гисгон всегда повторял, что без инициативы нет победы. Невозможно, находясь в постоянной обороне, повергнуть врага. Нужен всегда свой удар. Он может быть единственным, но он должен быть нанесен самостоятельно. Близко, слишком близко рассуждает Красавчик. Нет, точно похолодало. Что же делать? Главное – ни в коем случае не показывать заинтересованности. Иначе – пропал. Да, держать паузу.

И Каргалон придал нарочито небрежное выражение своим светлым глазам, в которые внимательно вглядывался Гасдрубал. И вновь старший не выдержал и был вынужден продолжить беседу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.